

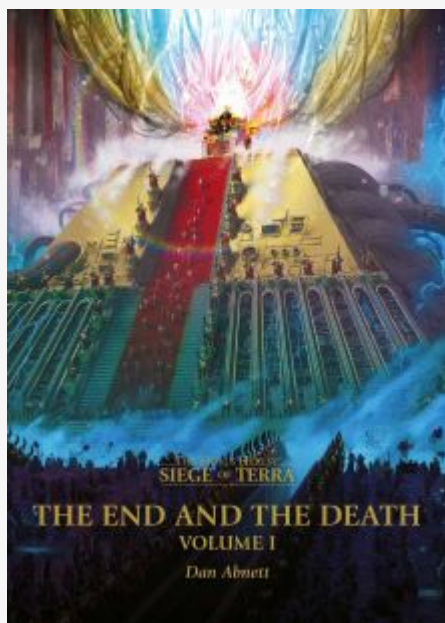
Конец и Смерть, Том 1 / The End and the Death, Volume I (роман)

Перевод в процессе: 14/116

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 14 частей из 116.

Конец и Смерть, Том 1 / The End and the Death, Volume I (роман)

Автор	Дэн Абнетт / Dan Abnett
Переводчик	Narrowmaster
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Предыдущая книга	Отголоски вечности / Echoes of Eternity
Следующая книга	Конец и Смерть, Том 2 / The End and the Death, Volume II
Год издания	2023
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГАЛАКТИКИ-КАННИБАЛЫ

1: I

1: II

1: III

1: IV

1: V

1: VI

1: VII

1: VIII

1: IX

1: X

1: XI

1: XII

1: XIII

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Император — Повелитель Человечества, Последний и Первый Владыка Империи

Хорус Луперкаль — примарх XVI легиона, Возвышенный Сосуд Хаоса

Защитники Терры

Малкадор Сигиллит — Регент Империи

Константин Вальдор — генерал-капитан Легио Кустодес

Лояльные примархи

Рогал Дорн — Преторианец Терры, примарх VII легиона

Сангвиний - «Великий Ангел», примарх IX легиона

Вулкан — Последний Страж, примарх XVIII легиона

Легио Кустодес

Диоклетиан Корос — трибун

Аркат Виндикс Центурион — Орел Императора

Иос Раджа — гетерон-соратник

Харахель — маршал-эдил, Хранитель Братства Ключа

Шукра — соратник, Хранитель Братства Ключа

Кекальт Даск — гетерон-проконсул

Узкарель Офит — гетерон-проконсул

Доло Ламора — часовой- соратник

Клиотан — часовой-хранитель

Арзах — капитан-префект

Казадрис — часовой-хранитель

Кинтара — гетерон- соратник

Даморсар — щит-капитан

Крисмурти — гиканат

Авендро — щит-капитан

Телемонис — маршал воинства

Керсиль — соратник

Тираск — часовой

Систрат — часовой

Эстраил — соратник

Гелиден — часовой

Астриколь — соратник

Валик — часовой

Мендолис — часовой

Вантикс — капитан-часовой

Гелиад — гетерон-часовой

Амальфи — щит-капитан

Энтерон — вестарий

Юстиний — часовой

Людовик — гиканат-проконсул

Симаркант — хранитель

Ксадоф — часовой-хранитель

Фраст — часовой

Андолен — соратник-префект

Каредо — Тарант (гетерон)

Рейвенгаст — гетерон- соратник

Браксий — гетерон- соратник

Таврид — гетерон-часовой

Нмембо — гетерон- соратник

Загр — гиканат (гетерон)

Амон Тавромахиан — кустодианец

Сестры Безмолвия

Керия Касрин — Рыцарь Забвения, Стальные Лисы

Мози Додома — Сестра-вигилятор

Ведия — Бдящая Сестра

Избранные Малкадора

Халид Хассан

Заранчек Ксанф

Мориана Моухаузен

Галлент Сидози

Гарвель Локен — Одинокий Волк

Хелиг Галлор — Странствующий Рыцарь

Офицеры и Руководители Милитант Военного Двора

Сандрина Икаро — вторая госпожа Тактика Террестрия

Илия Раваллион — стратег

Иона Гастон — младший сотрудник

Лорды Совета Терры и Верховные Лорды

Загрей Кейн — Фабrikатор-в-изгнании

Немо Жи-Менг — Хормейстер Адептус Астра Телепатика

Эйрех Хальферфесс — Астротелеграфика Экзальта из Высокой Башни

VII легион «Имперские Кулаки»

Архам — магистр Хускарлов

Ворст — капитан-ветеран

Фафнир Ранн — лорд-сенешаль, капитан первого штурмового подразделения

Фиск Хален — капитан 19-й тактической роты

Вал Тархос — сержант 19-й тактической роты

Максимус Тейн — капитан 22-й «Образцовой» роты

Леод Болдуин

Брастас — капитан

Калодин

Лигнис

Белдуир

Кортам

Деварлин

Мизос

V легион «Белые Шрамы»

Шибан — хан, прозванный «Тахсир»

Ганзориг — нойон-хан

Джангсай — хан

Чакайя — грозовой пророк

Имань

Атрай

Соджук — хан

Жингас — хан

Гахаки — хан Баргейдин Сарву

Айнбатаар — хан

Намахи — магистр Кешика

IX легион «Кровавые Ангелы»

Ралдорон — Первый Капитан, Первый Орден

Азкеллон — Вестник Сангвинарной Гвардии

Тервельт Икасати — Сангвинарная Гвардия

Зефон — доминион, «Несущий Скорбь»

Нассир Амит - «Расчленитель»

Сародон Сейкр

Махельдарон

Зеалис Варенс

Кристаф Кристаферос

Ринас Дол

Кист Геллон

Хот Меффиил

Сатель Эймери

Хорададь Фурион

Эмхон Люкс

Расколотые Легионы

Аток Абидеми — Драаксвард (Верный Дракон), XVIII легион «Саламандры»

Ари'и — Хранитель Погребального Костра, XVIII легион «Саламандры»

Ма'ула — Магистр Печати, XVIII легион «Саламандры»

Хема — сержант, XVIII легион «Саламандры»

Бёдвар Бьярки — VI легион «Космические Волки»

Кратоз — центурион Копья, X легион «Железные Руки»

Хрисаор — боевой сержант, X легион «Железные Руки»

I легион «Темные Ангелы»

Корсвейн — лорд-сенешаль, Калибанская Гончая

Адофель — магистр капитула

Траган — капитан девятого ордена

Ворлой

Бруктас

Харлок

Бламирес

Ваниталь

Эрлориаль

Карлой

Асрадаил

Тандерион

Карфей

Захариил

Дом Вирониев

Акастия — крепостной пилот Рыцаря-оруженосца «Элатус»

Имперская Армия (Экзертус, Ауксилия и другие)

Альдана Агата — маршал, Антиохские Воины Вечерни

Файкс — ее адъютант

Михаил — капитан, 403-й Незаменимые Стратиоты

Джера Талмада — полковник, корпус логистики

Лантри Жан — передовой наблюдатель, Пятый ПанКонский

Мартинья — капитан горты

Склатер — сир-милитант

Хетин Гультан — сержант, кучер Королевской Занзибарской горты

Дерри Кассье — младший заряжающий

Нахина Праффет — капрал, 467-й Танзирский Экзертус

Н'джи — капитан, Конвингианский Легкий Артиллерийский

И другие

Префект

Альборн — конрой-капитан, Палатинская горта (командное подразделение Префекта)

Штиглих — Палатинская горта

Хеллик Мауэр — боэтарх

Орден Испрашивающих

Кирил Зиндерманн

Лита Танг

Конклав Горожан

Эуфратия Киилер

Элид

Переванна

Верефт

Кацухиро

Предательское Воинство

XVI легион «Сыны Хоруса»

Эзекиль Абаддон — Первый Капитан

Кинор Аргонис — советник Магистра Войны Луперкаля

Улнок — советник Первого Капитана

Ацелас Баракса — капитан второй роты

Ифа Клатис — вторая рота

Калтос — вторая рота

Таркез Малабрей — магистр Катуланских Налетчиков

Хеллас Сикар — магистр Юстеринцев

Тарас Балт — капитан третьей роты

Тирон Гамекс — третья рота

Вор Икари — капитан четвертой роты

Ксофар Беруддин — капитан пятой роты

Экрон Фал — центурион, Юстеринцы

Ликас Фитон — капитан седьмой роты

Калинт — капитан девятой роты

Селгар Доргаддон — капитан десятой роты

Цистрион — капитан 13-й роты

XIV легион «Гвардия Смерти»

Тиф — Первый Капитан

Сероб Каргул — лорд-контемптор

Воркс — Повелитель Тишины

Кадекс Илکاریон

Каифа Морарг

Мельфиор Крау

Скулидас Герерг

XVII легион «Несущие Слово»

Сор Талгрон

Бартуса Нарек

VIII легион «Повелители Ночи»

Хагашу

Темный Механикум

Клейн Пент — пятый ученик Нуль.

Айт-Один-Таг — спикер сопряженного объединения

Боевой Службы Эпта

Другие

Базилио Фо — военный преступник

Андромеда-17 — селенар

Старые Попутчики

Олл Перссон — Вечный

Джон Грамматикус — логокинетик

Кэтт — несанкционированный псайкер

Хебет Зибес — рабочий

Догент Кранк — солдат

Графт — сельскохозяйственный сервитор

Актя — пророчица

Альфарий

Лидва — прото-Астартес

«Не по нему, по залитому солнцем граду

Его златым бульварам и блеску жарких врат

По граду белых дней, где нет ни сна, ни тени

Тоскуем мы, окончив все дела, все мысли, разговоры

Мы простираем взгляд сквозь сумрак, чтоб узреть

Куда, с порога вечности бескрайней

Нам суждено ступить.»

- **ранний поэт, примерно М2^[1]**

«*Sicut hic mundus creatus est.*» (Так был сотворен мир)^[2]

- **Либер Герметис де алхимия, примерно 200.М2**

«*Говорю вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся.*»

- **1-е послание к Коринфянам, глава 15 стих 51**

«*Император должен умереть*»

- **надпись на знамени**

I

Взгляните на эти жалкие легионы, эти истерзанные воинства, эти ходячие трупы, живущие ради убийства, убивающие ради убийства. Больше нет смысла ни в их безумных потугах, ни в истерическом самопожертвовании. Больше нечего выигрывать, нечего проигрывать. Не сейчас, не для них. От их причин, мотивов и намерений не останется ничего. Взгляните! Разве им самим это не ясно? Прошлое ушло, а будущее уже не наступит. Есть лишь настоящее, и есть лишь война, и война эта будет пылать, пока есть топливо для этого пламени.

II

А это ненадолго. Взгляните на кусок камня, который они зовут миром. Непрерывное средоточие абсолютной ярости раздирает его на части. Они сражаются — *ну взгляните на них!* — сражаются за мир, разрушая мир. Они думают, что этот мир так важен. Они верят, что он *имеет значение*. Безмозглые убийцы с обеих сторон, с которых пламя давно стерло ярлыки предателя и лоялиста. Они до сих пор думают, что это место, этот кусок камня, на котором и за который они убивают, все еще имеет значение.

III

Думают...м-да, пожалуй, это сильно сказано. Никто из них уже не *думает*. Но как мне видится, некий импульс, какой-то зуд в этих рыбьих мозгах убеждает их, что, объятые своей примитивной яростью, они стоят на своей земле и сражаются за что-то свое. За право рождения, колыбель, наследие, то место, которое принадлежит им и которому принадлежат они сами, словно такие связи имеют значение. Не имеют. Вместе их объединяет лишь какая-то тонюсенькая, сентиментальная связь, планета и

биологический вид. Всего лишь каприз природы, случайность, аномальное развитие биологической заразы, с которого и пошел их слабый род на этом никому не нужном куске камня.

Только и всего. Это могло произойти где угодно.

Так вышло, что это случилось здесь, на этом сгустке материи, этом клочке земли, этой... Как они ее называют? Террор? Ха! Да нет, *Терра*. Их разумы наполняют его смыслом, их язык дает ему имя, такое смешное имя. Это всего лишь кусок камня из бесконечного множества других камней, вращающихся вокруг бесконечного множества других солнц. В ней нет ни смысла, ни особых качеств, ни капли ценности.

IV

Но как же они дерутся за него! Вы только посмотрите. Они сражаются, потому что кроме войны у них ничего не осталось. Они сражаются чтобы завоевать или отразить завоевание. Сражаются во имя абсолютно лишённой всякого смысла идеи, что победитель имеет значение. Кто заберет себе этот камень. Кто останется стоять, когда все закончится.

Не имеет. Не имеет. *Не имеет*. Жалкие потуги!

Они ошибаются. Они ничтожны и они ошибаются. Взгляните на них. Все они глупцы, все до единого, обманутые бессвязным влечением и гнилыми идеалами. Это место, эта Терра, никогда не была особенной. В лучшем случае, она была символом в течение краткого промежутка времени, да и этого символического значения она теперь лишилась. Эти психопаты сжигают себя заживо в последней конвульсии, совершенно не понимая, что битва идет не здесь.

Она повсюду.

V

Мое имя Самус. Самус — мое имя. Это единственное имя, которое ты услышишь. Я тот, кто ходит позади тебя. Я — шаги у тебя за спиной. Я — человек рядом с тобой. Оглянись! Я вокруг тебя. Самус! Я — конец и смерть. И я говорю тебе, что видел это прежде, множество раз. Мне безразлично, сколько именно. Для меня время не имеет ценности, и я не утруждаю себя памятью обо всех видах биологической заразы, которой удалось возвыситься, и мне не хватит терпения запомнить название каждого камня. Камни — всего лишь камни, а мое имя — Самус. Самус будет глотать твои кости. А это — *смотри*, как они убивают друг друга! — это всего лишь очередной повтор. Непрерывный цикл, рассвет и закат. Это произойдет снова и это происходит повсюду. Это несущественно. Семейные дразги. Драка между двумя муравейниками, через которую я могу переступить и даже не заметить, во время своего долгого путешествия куда-то еще.

Если только...

VI

Если только кто-нибудь из них не заметит возможность. Чего можно *достичь* здесь и сейчас. Потенциал,

великолепный потенциал, который — хотя никто, ни один из них не замечает его — гораздо ближе к ним, чем кажется. Я практически чувствую его вкус. Он ближе, чем когда-либо прежде, ближе чем даже в безвременье той войны, что расколола небеса.

VII

Кому из них хватит смелости протянуть к нему руку? Так мало, так ничтожно мало даже тех, кто хотя бы видит его или осознает его значимость. Я могу посчитать их по пальцам одной руки. Он? Этот хвастливый царь на своем крошечном трончике, чей хилый свет уже гаснет? Он? Визгливый самозванец, сгорбившийся в воюющей адской глотке? Может быть, он? Одержимый пророк, скользящий сквозь открытые раны среди немигающих звезд. Пока не станет слишком поздно, один из них мог бы увидеть то, чего можно достичь сегодня. Перед самым концом, один из них мог бы понять, что ничто из этого не имеет значения... уничтожение камня, бескрайняя резня, жалкий гнев... пока они не переведут войну на тот уровень, где ей *действительно* место. Не здесь. Не на Terre. А снаружи и внутри, повсюду, пока не останется лишь Крах и только Крах, как было в начале и будет в конце, повсюду и во всем.

VIII

Только эта победа имеет значение. Только в таком конце есть хоть какой-то смысл. Осторожно, замороженно, привлеченный не смертью камня, но рождением реальности, я наблюдаю. Я — Самус. Мое имя — Самус. Я — человек рядом с тобой. Я ступаю в ваше бессмысленное пламя и я радуюсь. Ведь в этот раз, может хотя бы в *этот* раз, наконец, настанет победа.

Ведь это конец, и это смерть.

И, в кои-то веки, начало.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГАЛАКТИКИ-КАННИБАЛЫ

1: I

Симпатическая магия.

Когда он был очень юн, не старше двух или трех сотен лет, ему доводилось наблюдать, как человек выводит на стене узоры.

Художник использовал вместо кистей собственные пальцы, а вместо плоских для краски — звериные черепа. Он рисовал антилопу и бизона, застывших во время прыжка. А вот и испуганный олень сорвался с места и пустился вдоль стены. Художник рисовал и людей. У них были луки и копья. Он еще ни разу не видел, как кто-то рисует человека. Он был очень молод.

Это не было искусством или украшением. Это не было памятью об охоте, случившейся днем ранее.

Художник не воспроизводил то, что уже случалось. Это стало бы бесполезной тратой драгоценных пигментов. Для таких вещей они пользовались воспоминаниями.

Пристально глядя на стену, он осознал, что художник рисует завтрашний день. Это было утверждением намерения, того, что *могло бы случиться*. У художника имелся план, и он претворял его в жизнь. Он выражал свою волю.

Все то, что показывал им художник — антилопа, бизон, люди — все это *случится*. Животные сорвутся с места и побегут, прямо как здесь. И мы будем там. Мы возьмем с собой луки и копья. Вот так — пальцы провели линию от копья к антилопе — вот так полетит копьё. Вот сюда оно попадет, прямо в этот бок. Это будет наше убийство.

Наблюдая за ним, он понимал, что тот творил симпатическую магию. Ритуальная репетиция, чтобы нечто воображаемое наверняка воплотилось в жизнь. Что было намечено сегодня пигментом на стене, то завтра станет явью. Антилопа не увернется и не убежит, потому что видишь? Она уже мертва.

Человек формировал будущее.

Чтобы благословить его, зафиксировать этот конкретный вариант завтрашнего дня, художник погрузил руку в плошку, после чего крепко прижал ладонь к стене. Он оставил на своем плане знак, свою собственную метку. Вот что произойдет, и своей рукой я подтверждаю это. Больше ничего не изменить.

Антилопа уже мертва.

Чтобы эта версия будущего не сбылась, богам придется восстать против человечества и нарушить законы мироздания. Те самые законы, которые, по их собственным заверениям, нарушить невозможно.

К тому времени, даже несмотря на свою юность, он уже научился не доверять богам. Не доверять самому существованию богов. Но судя по всему, естественные законы мироздания работают независимо от того, существуют боги или нет.

Он наблюдал за работой художника и учился планировать. Во всех смыслах, для него это стало откровением. Он узнал, что план может обеспечить будущее, и что составить его может всего один человек, а для уверенности в успехе, на плане должен гордо сиять знак, поставленный его собственной рукой.

С тех пор, его труды всегда несли на себе следы его рук. Вот уже более тридцати тысячелетий он формирует будущее.

Эту историю он рассказал мне сам, долгие годы назад. Сейчас я смотрю на его руки, руки, которые теперь держат в ладонях всю галактику. Пальцы слегка подергиваются.

Очень немногим людям дозволено стоять так близко к нему. Воистину, немногим позволено даже находиться в его присутствии, и еще меньше тех, кому разрешено подойти на достаточное расстояние, чтобы заметить столь незначительный признак страданий. Но я — его Регент, советник, его доверенное лицо. Мне *положено* находиться рядом с ним. Именно этого он требует от меня, и потому я уже очень давно стал ему ближе его собственной тени.

Эти руки. Эти большие, умелые руки. Они закованы в аурамит, но не из-за его золотой царственности, а из-за того, что он обладает почти полной квантовой инертностью, отчего лучше всего приспособлен для псионического моделирования и манипуляции нематериальными силами. Большей точностью и

проводимостью обладает лишь голая кожа. Я знаю, что он множество раз касался имматериума обнаженными руками и обнаженным разумом, но даже у *него* есть свои пределы. Плотность нематериальной энергии теперь настолько велика, что незащищенный контакт опалит его кожу даже при легком касании. Длительное воздействие сожжет его плоть, выпарит кровь и сплавит с тронном, на котором он восседает.

И вот он сидит, закованный в золото и защищенный им, безмолвный и неподвижный, словно каменный идол. Нет, даже *хуже*... Боюсь, он напоминает кичливых вождей-королей и монархов-пророков из далекого прошлого, жалких выскочек и задиристых мегаломаньяков. Тех самых, которые вырезали из тела человечества свои личные владения и порождали малозначимые нации, обряжались в самоцветы и драгоценные металлы, водружали себе на головы короны и провозглашали себя превыше простых смертных. Что было неправдой, и он презрел их всех, и он покарал их за высокомерие. Он сверг каждого из них, обходными путями или грубой силой. Он уничтожил нации и покончил с династиями, сбросил с тронов тиранов и диктаторов, сровнял с землей дворцы и оборвал родословные. Он окрасил кровью стены бесчисленных тронных залов и оставил их троны пустыми.

Этот трон он оставить не может.

Целую вечность я жду у подножия гигантского помоста, сохраняя молчание. Рядом нет никого, кто обратил бы внимание на мои наблюдения, кроме Узкареля Офита и Кекальта Даска, изящных чудовищ, стоящих на страже по обеим сторонам лестницы. Но лица проконсулов Легио Кустодес обращены наружу, они стоят неподвижно, повернувшись спиной к нему. Они не видят, как дрожат его пальцы.

А едва заметные знаки, будь то признаки страданий или иные, это мое ремесло. Знаки, символы, знамения, сикилы: это мои инструменты, диакритические знаки реальности, из которых я складываю истинный текст мироздания. Я – его Сигиллит, и я исполнял эту роль с самого начала эпохи.

И теперь она подходит к концу. Как моя долгая служба ему, так и сама эпоха.

Потому что его сыновья идут, чтобы убить его.

1: II

Осколки

Они распяли Титанов вдоль Последней Стены.

В небо поднимаются клубы дыма – плотного, темного, словно прогорклое мясо. В некоторых местах мертвецов так много, что они напоминают мешки с зерном, собранные после жатвы. Могильные курганы изменили ландшафт.

На Песей Мостовой, в тени того, что было Стеной Львиных Врат, Максимус Тейн старается перекричать непрерывный вой огненных бурь и артобстрелов. Он собирает Астартес из 22-й «Образцовой» в *Защитное Построение «Экзактус»*. Укрытий нет. Они соединяют щиты, посеревшие от пепла. Tактический сенсориум Тейна сообщает, что в его роте осталось едва ли семьдесят воинов. Он говорит себе, что устройство сломано. Экран треснул, провода болтаются. Сенсориум показывает ему, что на одной только мостовой обнаружено присутствие девяти сотен врагов. Он *приказывает* себе считать устройство сломанным.

Внутри Львиных Врат, верхние половинки которых полностью отсутствуют, словно охотничьи трофеи висят растерзанные Рыцари дома Виридиан. Машины обмотали пучками колючей проволоки и перебросили через крепостные валы. Отработанные жидкости – масло, хладагенты, кровь – капают с искореженных лиц-кабин.

Предательское воинство ревет и вскипает, словно бурный прилив, и рвется сквозь пробитые врата, сквозь проломленные стены, по откосам некогда вертикальных бастионов. Они сверкают черными панцирями и рогами, они завывают и льются стремительным потоком сквозь бреши, сквозь трещины и развалившиеся стены, под арками, по утратившим золотой блеск проспектам. Это искаженные создания, переделанные люди, переделанные вновь, клыкастые чудовища, вульгарные минотавры, боевые звери, головы которых похожи на китовые черепа или освежеванных лосей. Слово оползень, они стекаются в последнее нетронутое святилище Дворца.

Среди них Абаддон, некогда Первый Капитан и образец для всех. Он во главе потока, и он его часть. Его сделали уничтожителем, разорителем миров и осквернителем жизни, архиразрушителем мифов. Он сродняет с землей все, все легенды, системы, порядки, даже собственный миф, который он некогда так гордо выковал сам. Он отбросит всю славу, добытую тяжким трудом, и заменит ее новой, куда более величественной и куда более ужасной. Он кричит на своих воинов. В его словах больше не осталось человечности.

И все равно, они понимают его.

1: III

Запись интервью, проведенного летописцем Олитон

Мой отец? Я расскажу вам о моем отце. Конечно. Все, что хотите.

Мой отец, мамзель Мерсади, однажды он... Сейчас эта история довольно известна, но я все равно ее расскажу... Однажды мой отец подошел к реке, встал на колени и зарыдал. Все знают, что *зарыдал*. Он...

Стойте. Если вы не против, давайте уйдем с мостика. В эту вахту, на мостике «Мстительного Духа» довольнолюдно. Мой Первый Капитан – это Эзекиль, вон он – собирает на инструктаж Морниваль и старших ротных офицеров. Интересы начинают доставлять проблемы. Это неприятно. Произошла ошибка, порожденная недопониманием. Как вам, должно быть, очевидно, протоколы первого контакта весьма сложны. Встреча двух продвинутых цивилизаций неизбежно приносит с собой трудности с доверием и взаимопониманием. Это дело непростое, думаю, вы и сами видели. Я искренне сожалею о том, что происходит сейчас. Глубоко сожалею. Так что давайте пройдем в мои покои.

Да, после вас.

Так гораздо лучше, не находите? Мы можем общаться и слышать собственные мысли. Эзекиль бывает таким резким и напористым. Он проводит инструктаж по запланированным боевым операциям, которые нам, к сожалению, придется предпринять. Как я и сказал, мне искренне жаль, что до этого дошло. Да, все верно. Боевые операции. Да, будет очередная война. По правде сказать, миледи, *всегда* будет очередная война.

Нет, мне не нужно там быть. Первый Капитан Абаддон более чем способен провести такую встречу. Да, конечно же я ему доверяю. Я бы доверил ему свою жизнь. Он ведь мой сын.

Итак, садитесь.

Вернемся к моему отцу. Как я и говорил, это было очень давно. Говорят, тогда он был известен как Алисаундр, или, полагаю, как Сикандер III хо Македон^[3]. Так он мне сказал, так что, должно быть, это правда. В общем, он подошел к реке Гифасис, пересек ее и зарыдал, потому что, по его словам, «для покорения больше не осталось миров».

Нет, я думаю...

Нет, вы меня не поняли. Извините, я выразился не слишком ясно. Я согласен с тем, что «покорение» это агрессивный, милитаристский термин. Тяжкое слово. Естественно, на самом деле он использовал слово «катактó», поскольку там, на берегах Гифасиса, он говорил на прото-форме эллинского наречия. Так что мы можем позволить себе легкую интерпретацию. Это было так давно. Я рассказал эту историю в качестве примера вдохновения. Я считаю, что именно наши вдохновения определяют нас больше, чем что-либо еще. Мой отец рыдал на берегу Гифасиса, потому что в тот момент он почувствовал, что достиг всего. Он реализовал свои амбиции. И откровение потрясло его. Он ощутил не гордость, не удовлетворение, а утрату.

Разумеется, как выяснилось позже, для завоевания осталось еще *много* миров. Работа едва началась. На берегах Гифасиса он победил не в первый и не в последний раз, воссев на трон известного мира. Вскоре после этого, он обнаружил другой трон. В *буквальном* смысле. Это изменило все. Да, нашел его. Ну, так он мне сказал.

Но я отвлекся. Идея, которую я, пусть и не очень складно, хотел донести, состоит в том, что вдохновение – это то пламя, что движет нами. Нам нет покоя, и мы боремся. «Бороться и искать, найти и не сдаваться»^[4], если я правильно помню этот старый стих. Всегда есть еще один мир, мамзель Мерсади, еще одна цель. В этом смысле мы все подобны ему.

Не понял? И всегда еще одна война. Да, *именно так*.

Вы смотрите на нас, летописец, и видите существ, созданных для войны. Нет, нет, не отрицайте. Знаю, что видите. Вам не скрыть трансчеловеческий ужас в глазах каждый раз, когда их взгляд падает на меня, или на Первого Капитана Абаддона, или на любого из моих сыновей, моих Лунных Волков. Я не виню вас. Я пугаю вас, и мне искренне жаль. Честно. Я гляжу на вас, в этой комнате, на фоне которой вы кажетесь такой крошечной. Сидите на этом стуле, словно ребенок на троне, болтая ножками. Оно сделано для кого-то моих габаритов, не ваших. Я сочувствую вам. Вы изображаете храбрость и уверенность в себе, но я чувствую ваш ужас. Страх, который вы испытываете, находясь здесь, в окружении огромных нелюдей. Должно быть, это действительно страшно. Надо бы сказать что-то, чтобы подбодрить вас, чтобы развеять ваш страх.

Скажу вам так, Мерсади Олитон... Я скорее похож на вас, чем *не* похож.

1: IV

Осколки

Живые и мертвые теперь весьма схожи: и те, и другие сгорят на одном костре.

Урис Катйор, боевой брат Имперских Кулаков, прислоняется к истерзанному снарядами валу, словно решив отдохнуть. Он мертв всего десять секунд. Его шлем исчез, а вместе с ним оба его сердца и содержимое грудной клетки. Дыхание еще не полностью покинуло его губы. Он смотрит на войну выгоревшими зрачками.

Он видит за стеной другие тела, сотни других мертвецов, оставленных там, где они упали, пытаюсь бежать. Некоторые словно спят. Большинство разбросано в стороны, неловко согнувшиеся и плохо сложенные, в неудобных позах, лишенных достоинства. Война не терпит достоинства. Некоторые тела вообще не похожи на тела: слишком маленькие, странные, слишком тощие, слишком неподвижные. Смерть превратила их в простой мусор, в упавшие обломки павшего города. В кучки хлама, валяющиеся вперемешку с камнями и металлическими осколками. В сломанных кукол с оборванными ниточками.

На пылающих бастионах Дельфийского Парапета, в рядах последней линии обороны, окружающей последнюю крепость Санктума Импералис, рыдает Амит, прозванный Расчленителем.

Легионер Кровавых Ангелов чувствует непрерывное содрогание настенных орудий внизу и вокруг себя, и он рыдает по тому, что сделал и что осталось несделанным. Его окружают десять тысяч родичей, десять тысяч других верных сынов, а может и больше. Они ждут и рыдают вместе с ним. Они ждут, в броне и при оружии, когда лавина предателей врежется в последнюю стену и начнется последняя битва.

Прижав клинок к груди, практически в молитве, он охватывает взглядом пейзаж Палатинской Зоны со своего наблюдательного пункта. Он видит ад. Огромные бастионы пылают в клубах едкого дыма прямо у него на глазах. Меру, Хасгард, Авалон, Иренический, Резави, Голгофа, Кидония... каждый из них был символом мощи Имперума, некогда надзирающим над одним из флангов Палатины. Каждый из них превратился в огромный костер. Дым воняет позором и утраченной надеждой.

Он рыдает. Его генетический владыка, Светлый Архангел, закрыл Врата Вечности навсегда. Подумать только. Неподражаемый подвиг. Его Светлый Повелитель отсек от орды величайших демонов в мире, сокрушил их, убил их, и все ради того, чтобы сдержать лавину, пока не закрылись Врата. Амит стал одним из последних, кто успел попасть внутрь.

Сангвиний, владыка его жизни, дорого поплатился за содеянное. Амит видел его своими глазами: ужасные раны, истерзанные доспехи, бессмертные белые крылья - о, какова досада! - опалены и запачканы, перья выщипаны, вырваны, выжжены, вырезаны...

Он рыдает. Образ повелителя, столь израненного, останется с ним навсегда. Но не это омрачает его дух сильнее всего. Настоящая скорбь лежит в *значении* того, что совершил его повелитель.

Врата закрыты. Амит не может вообразить себе тяжесть такого решения. Закрыть Вечность - значит, признать поражение. Это признание, как перед друзьями, так и перед врагами, того что армии и чемпионы Императора, даже Сангвиний из легиона Кровавых Ангелов, больше не могут помешать беспощадному наступлению врага на Палатину, так же как они не смогли остановить врага у первой стены, или у Внешнего Дворца, или у врат Гелиоса, Львиных, Мирных или Передних, или у Porta Вечности, или у Колоссов, у Последней или на любом другом поле битвы, где они встретили сопротивление. Месяцы самой жестокой войны, когда-либо виденной Амитом, всего лишь отсрочили неизбежное. Закрытие Вечности — это акт отчаяния. Он означает, что конец уже здесь, смерть уже здесь. Он означает, что настал такой темный час, в который выбора не остается: Санктум Импералис должен быть запечатан, ведь все, что снаружи, уже потеряно.

Потеряно, но еще не мертво. Истинный ужас закрытых Врат в том, что они обрекают на гибель легионы своих братьев, вместе с целыми армиями и воинствами. Не было времени и места для отступления, не было времени отозвать их или приказать вернуться. Их пришлось оставить снаружи. Амит рыдает, так как знает, что последствия этого решения останутся с его повелителем дольше, чем любая из ран. Словно, приняв это решение, он дезертировал. Словно предал их во второй раз.

Амит думает о тех, кто не успел забежать в закрывающиеся врата, кого поглотила орда обезумевших Пожирателей Миров, о своих братьях, родичах, брошенных в поле армиях, о бригадах и подразделениях, все еще бьющихся на Палатинской равнине, мужчинах и женщинах, командирах и простых солдатах, боевых братьях, великих чемпионах... оставленных сражаться, бороться и умирать без надежды на спасение, продавая свои жизни одна за одной в буре сорвавшейся с цепи жестокости, делая все возможное, чтобы замедлить неумолимое продвижение врага к стене. Стене, которую теперь защищает Амит.

Он рыдает. Он ждет, глядя на разверзшийся ад, и оплакивает их всех.

Пламя танцует. Мертвые – всего лишь мертвые. Живые – это мертвые, еще не лишенные печали и боли.

1:V

Его непреходящая гайна

Со всем уважением, я взываю к нему.

Я не использую голос. Я использую свой разум. Мой зов тих и осторожен, он больше похож на беззвучное заклинание и, к моему сожалению, весьма напоминает молитву.

Он не отвечает. Я ищу какой-нибудь знак, намек на реакцию. Их нет. Его руки снова невольно сжали подлокотники трона, но это всего лишь очередной болезненный спазм. Моя забота о нем вызывает во мне такую же боль, слабые ладони крепче сжимают посох, поддерживающий меня на ногах. Мне больно видеть его страдания. Его муки сильны – хоть он и повидал гораздо худшее – и непрерывны. Он испытывает их уже несколько лет. Они терзают его, и он преодолевает. Он не сдастся, не ослабит концентрацию. Слишком многое на кону, слишком многое еще предстоит сделать. Он обуздал постоянный дискомфорт и использует его в качестве дришти^[5], чтобы сфокусировать внимание. Наверное, поэтому он и не слышит меня. Он слишком сосредоточен. Имматериум давит на него. Хоть в комнате и тихо, варп ревет ему в уши.

Однако, мне *нужно*, чтобы он нарушил концентрацию. Вот почему я пришел к нему, пусть и с великой неохотой. Нам нужно поговорить. Мы больше не можем избегать разговора, который так долго откладывали.

Но он словно в забытьи. Он не отвечает на мой тихий психический шепот. Похоже, он даже не знает, что я здесь. Он остается именно таким, каким был долгие месяцы: неподвижным, безмолвным, незрячим, полностью погруженным в свой жизненно важный, незримый труд. А потому я должен быть настойчив,

пусть и рискуя навлечь на себя его неудовольствие.

+Мой Царь Веков...+^[6]

Я был его Сигиллитом достаточно долго, чтобы знать – он понимает, как выглядит со стороны. Как же ему омерзителен этот неуместный аспект: золотой царь, развалившийся на золотом троне. Ему противно выглядеть как тот самый образ, которому он всецело противостоял. Я всегда знал его как человека, который очень осмотрительно подходит к своему внешнему облику. На протяжении тысячелетий он сменил множество масок, каждая из которых подходила к определенной задаче. Его разум, его величайший дар, позволяет ему немалую гибкость в подобных делах. Он мог выглядеть как мужчина или женщина, или ни то, ни другое. Он мог быть ребенком или старцем, землепашцем или королем, фокусником или шутом. Он побывал всей колодой Таро, поскольку Повелитель Человечества – это и повелитель обмана. Каждую из этих ролей он исполнил блестяще, с изяществом. Он был скромным, когда требовалось смирение, вежливым, когда нуждался в мягкости, коварным, любезным, убедительным, повелевающим, заботливым. Он был ужасен, когда ужас оставался последним средством, а временами – кроток, дабы унаследовать Землю^[7]. Он всегда был тем, кем необходимо было стать. Никто и никогда не видел его истинного лица и не знал его настоящего имени.

Даже я. Я знал его по тем именам и тем лицам, которыми обладали его маски. В этот последний час последнего акта я понимаю, пусть и запоздало, что возможно, я видел лишь то, что он позволял мне увидеть. Возможно, даже если бы в этой комнате стояла целая толпа, я все еще был бы единственным, перед кем сидел бы золотой царь на золотом троне, с дрожащими от напряжения пальцами.

Забавно, что даже сейчас, после всего что мы пережили вместе, он по-прежнему прячется от меня. Говорят, я мудр, но лишь две вещи мне известны наверняка. Первая – *всегда* есть чему еще научиться. Его непреходящая тайна преподавала мне этот урок.

Вторая – совсем скоро, он наконец подарит мне возможность увидеть и узнать *остальное*, все то, чему я еще не научился. Полную и окончательную истину творения.

И она убьет меня. Но я не откажусь от такой возможности. Кто стал бы? Кто *смог бы*?

Я жду. Я пытаюсь снова.

+Скажи мне слово. Открой глаза, мой Владыка Император, мой Царь Веков, мой старый друг. Дай мне знак. Очнись, пошевелись, скажи мне слово. Нам нужно поговорить+.

Конечно же, он *был* царем, и много раз. Необходимость в царственном аспекте возникала часто. В годы глобального объединения, ему часто приходилось становиться полководцем, потому что люди подчиняются власти лишь когда напуганы или в смятении. В период галактического отвоевания, он был вынужден шагать среди звезд в облике короля-воина, облаченного в золото, поскольку именно эту версию его юные сыновья воспринимали лучше всего. Ему приходилось выглядеть как они, только еще величественнее, чтобы завоевать их верность, уважение и почитание. Шла война, поэтому он был воинственен. Иначе они не пошли бы за ним, не стали бы слушать его указаний. Они бы засомневались. Ему было необходимо повелевать ими даже в дальних уголках космоса, обеспечить их послушание даже на самых невообразимых расстояниях и поддерживать непоколебимую преданность даже после того, как оставил их. Поэтому он разыграл эту карту: *Император*. Эту версию себя он счел весьма отвратительной, но им она понравилась. Они видели то, что хотели видеть. Его сыновья полностью посвятили себя материальной войне, и были столь крепки и непоколебимы, что он почувствовал – ее

завершение можно оставить им.

Потому что он должен был вернуться. Время никогда не играло ему на руку. Ему пришлось оставить своих детей заканчивать материальную войну среди звезд и вернуться на этот подземный трон, чтобы одновременно с ней вести войну нематериальную. Одна победа ничего не стоила без второй.

После Улланора, он с облегчением сбросил с себя это обличье. Он отбросил доспехи, шлем, несравненный клинок, полагая, что больше ему не потребуется облик короля-воина, ведь он оставил материальную войну в надежных руках.

В руках своего избранного наследника.

Его сыновья...

Полагаю, в некотором роде они и мои сыновья тоже, ведь я принимал участие в их создании и воспитании. Нынешняя боль от нематериальных усилий - ничто, в сравнении с его скорбью. В конце концов, он всего лишь человек. И я скорблю вместе с ним. Мы оба знали, что рано или поздно, один за другим его сыновья умрут, став жертвами Великого Труда, поскольку его видение завтрашнего дня не может быть воплощено без сопутствующего ущерба. Набросав для меня на стене свой план, чтобы я мог оценить его масштабы, он уже тогда учел непредвиденные обстоятельства и подготовился с запасом. Падет один сын - его место займет другой. И даже в таком случае, мы рассчитывали, что они протянут столетия, или даже тысячелетия. Что они станут великой династией, посвятившей себя исполнению его замысла, ведь с самого начала, еще когда краска на его пальцах не успела засохнуть, он понимал, что не справится в одиночку. Так что мы создали ему сыновей. Мы надеялись, что, когда необходимые войны окончатся, эти сыновья вместе со своим отцом будут наслаждаться долгим миром, и бок о бок с ним войдут в завтрашний день.

Во всяком случае, те из них, кого получится избавить от жестокого, воинственного мышления.

Но боги были против него. Ложные боги, Лживая Четверка. Они пытались растоптать его труды с самого их начала, так как знали, что его успех ознаменует собой их собственную гибель. Страшась намеченной им версии завтрашнего дня, они обратились против него и нарушили законы мироздания. У нас бывали разочарования. Неудачи. Множество раз нам приходилось пересматривать наш замысел и прокладывать новый путь вокруг нового препятствия. Невозможно вынашивать план тридцать тысячелетий, не обладая некоторой долей гибкости.

У нас бывали поражения, но не такие.

Его план поврежден. Я не уверен, сможем ли мы собрать его воедино и продолжить вновь. Он всецело намерен сделать это, как и я, но боги коварны. Они разлили пигменты, испортили отпечатки его рук на стене, стирая его метки, закрашивая, изменяя, уродуя. Грубыми и примитивными мазками, лишенными всякого изящества, они накаляли собственную симпатическую магию, в противовес его. Копье в руке человека сломано. Антилопа испугалась и убежала дальше, чем могла долететь стрела, затерялась в чащобе, которой там не было еще вчера.

+Скажи мне слово. Дай мне знак. Открой глаза, мой повелитель. +

Неспособные противостоять ему в нематериальной войне, боги, к моему ужасу, вместо этого обратили против него войну материальную. Мир, который мы столь тщательно собирали воедино, разваливается на осколки под ударами молота.

И его сыновья умирают.

+Очнись, пошевелись, скажи мне слово. Нам нужно поговорить. +

Чтобы одержать победу, чтобы перестроить завтрашний день, ему придется убить еще нескольких.

1: VI

Осколки

Копье, воткнутое в грудь камней, словно флагшток; на его острие, точно знамя, развеваются окровавленные человеческие ошметки.

Лишившись гусениц, танк «Карнодон», принадлежавший к Гено Десять Сайрус, лежит вверх ногами в вонючей луже отходов. Все его люки погрузились в жидкость. Приводные шкивы дергаются туда-сюда – вперед-заело, обратно-заело – в предсмертных судорогах, охвативших умирающие системы. Из затонувшего корпуса доносится едва слышный стук, но вокруг никого и никто его не слышит.

Аркад Виндикс Центурион, Орел Императора, удерживает Двор Маршала и Сады Кеплера. От самих этих мест ничего не осталось. Лишь сводка на экране визора обозначает его местоположение, цифровой призрак парков и величественной площади, которые еще вчера существовали. С золотых доспехов капитана Кустодианцев капает кровь и смазка. Лоялисты спешат прикрыть его фланги по обеим сторонам от последнего оставшегося в саду дерева. Больше не было никаких боевых построений. Вокруг него собралась Соларная Ауксилия, Экзертус Импералис и их Ауксилия, резервисты, Легионес Астартес, парочка Рыцарей Забвения и нуль-дев, горстка ветеранов Старой Сотни и несколько гражданских. Вот до чего дошло.

То, что растекается перед ними, не люди, даже не транслюди-Астартес. Это улюлюкающая стена саркофильских^[8] кошмаров, авангард ужаса, инородные твари, которым галактика некогда запретила появляться на свет – ни здесь, ни где бы то ни было еще в материальной вселенной. Но телестетические* обереги гаснут, словно догоревшие свечи, и эти твари *появились* на свет, и они *здесь*, с чудовищными крыльями, жесткими усами, горящими как угли глазами, они визжат, прыгая на птичьих лапах и копытах, скалясь частоколами клыков и лопатами резцов.

Центурион уже видел этих отродий прежде, но никогда – в реальном пространстве и никогда – в таких ошеломляющих количествах. На краткий миг он опирается рукой на опаленный ствол чудесного дерева. Расщепленный надвое исполин остался единственным ориентиром в этой мешанине из грязи и дыма.

Человек рядом с ним, сержант Ауксии, чьего имени Центурион никогда не узнает, умирает от страха. Он просто умирает и падает на землю. Он не кричит, не бежит наутек. Просто его разум и сердце не выдерживают происходящего.

Центурион моргает, пристыженный простым смертным. Он поднимает свое копье стража, чтобы все вокруг могли его видеть, и повышает голос, чтобы все вокруг слышали его.

В канаве под Королевским Трактом, словно мертвые жуки в ловушке дезинсектора, скопились выжженные остовы гусеничных машин. Они перевернуты, смешаны, свалены в кучу так, что кажется,

будто самые верхние пытаются выкарабкаться наверх по телам остальных. Но это иллюзия. Они безжизненны. Лишь клубы дыма и пыли поднимаются над канавой.

На ее откосах и вдоль всего Магистарского Подъема торчат колья с их черепами. Кольями стали брусья и опорные балки. Черепами – башни «Теневых Мечей», «Сикаранов», модификаций «Руссов», «Клинков Палача», «Свирепых Клинков», «Карнодонов», «Глеф», «Грозových Молотов». В каких-то из них еще остались орудия, из других стволы были вырваны начисто. Таков результат ритуального осквернения Пожирателей Миров, оставивших после себя снятые с обезглавленных танков трофеи, словно лес из слоновьих черепов.

Влажные кости в пересохшем русле. Мертвые руки сплавились с обгорелым оружием посреди мавзолеев, в которые превратились зачищенные бункеры.

Кратоз, центурион Копья. Хрисаор, боевой сержант. Оба из Железных Рук, оба из Расколотых Легионов, столь жестоко изувеченных в самом начале этого безумия. Для них, это было словно столетия назад. Они сражались на умирающих полях Империи ради того, чтобы быть здесь, быть здесь и *сейчас*, желая лишь служить так, как их создали служить. И может быть, получить немного отрицания и возмездия.

На величественной Процессии Вечных, которая тянется на шестьдесят километров от теменоса* Внутреннего Санктума до места, где некогда возвышались Львиные Врата, они встают бок о бок с Имперскими Кулаками, чтобы взыскать с врага отрицание и возмездие. Они рычат боевой клич своего легиона, глядя на приближающихся Пожирателей Миров. Их слова теряются в стройном реве Имперских Кулаков, декламирующих собственные клятвы. Их вопль звучит не в такт со скандирующими воинами в желтой броне. Но они оба слышат его. Кратоз и Хрисаор, в плотно застегнутых клювастых шлемах, слышат голос Железного Десятого, слабый по сравнению с другими, но не затихший. Еще нет. И они понимают, что даже если их слова и клич Имперских Кулаков звучат по-разному, смысл у них один.

Они не отступят. Их плоть не будет слаба, а их деяния останутся вечны.

1: VII

Запись интервью, проведенного летописцем Олитон

Я – всего лишь плоть, Мерсади. Когда все слова сказаны и все дела сделаны, без боевого облачения и физических улучшений, которые, по сути, всего лишь инструменты для исполнения долга, я просто человек.

Вам не нужно бояться меня.

Но да. Да. Я был сотворен для войны. Как и *все* мы. Потому что война стала одной из наших обязанностей, и мы должны быть способны вести ее хорошо, лучше всех, кто был до нас. Однако, мы не просто воины. Война, миледи, всего лишь одна из наших функций. Самая неприятная, да, но лишь одна роль из множества. Мы были созданы делать бесчисленные вещи, и делать превосходно каждую из них.

Эх, я все думаю о моих храбрых Лунных Волках у Аартуо и в системах Кескастина и Андрова. Примеры

образцового применения их военного ремесла...

Простите, мой разум влекут воспоминания. Я хотел сказать, что однажды - и я искренне в это верю - что в войне больше не будет необходимости. Она *исчезнет* из списка наших обязанностей. Я с нетерпением жду этого. Я не хочу умереть на войне. Я хочу умереть в мире, построенном этой войной.

Как видите, в основе своей мы все строители, правда? Я надеюсь, вы это поймете. Мы творцы. Да, иногда камень необходимо обтесать, обстучать молотком и обработать, пока он не станет пригоден, но *лишь так* он станет пригоден, и мы сможем спокойно заложить его в фундамент. Мы строим цивилизации, летописец. Это не легкий труд, и отнюдь не быстрый. Любая пролитая в процессе кровь пролита лишь по необходимости, и когда это происходит, я рыдаю, как рыдал мой отец на берегу той реки. Я бы с радостью отдал свою жизнь, если бы благодаря этому Великий Труд мог бы быть завершен без новой крови. Но давайте не будем наивными. Не *мог бы*. Я настроен весьма оптимистично. И вам бы следовало. Мы делаем это для вас. Ради всего человечества. И полагаю, Мерсади, мы делаем это *вместе*.

Не понял? А, нет. Сейчас он *не* с нами.

После Улланорского Триумфа, когда отец оставил меня, на некоторое время я почувствовал себя покинутым. Конечно, мне польстила честь быть названным его доверенным...

Удивлен? Нет, должен признаться, я не был удивлен. Миледи, вы задаете хитрые вопросы. Проницательные. Вы хотите пробраться к моему сердцу. Что ж, скажу без обиняков, я *не был* удивлен. Это должен был быть я. Я был единственным вариантом. Я был польщен такой честью, но одновременно с этим почувствовал *облегчение*. Я почувствовал бы себя оскорбленным, перейди эта мантия к одному из одних братьев, несмотря на достоинства *каждого* из них.

Но вместе с этим, я ощутил и утрату. Прямо как отец на берегу той реки. Ведь я понял, что раз он покидает нас, значит, работа окончена, и в наследство мне достанется лишь дутая корона и бессмысленный титул. Вдохновение, помните? Оно закодировано во мне. Я ощутил себя брошенным, потому что задумался о том, чего же мне осталось достичь.

Как и мой отец, вскоре я выяснил, что для завоевания еще *остались* миры. И, пока вы не спросили, я снова использую слово «завоевание» в том, широком смысле, о котором мы говорили. «катактó». Еще остались миры, которые необходимо привести к согласию, освободить, интегрировать новые сообщества. Мы принесли больше *мира*, чем войны. Мы заключили мир с тысячами культур, каждая из которых некогда была утраченным и затерянным сокровищем Старой Земли. Мы обнаружили своих родичей, новые ветви нашей семьи и приняли их как своих. Прибывая на каждый из миров, Мерсади, я в первую очередь протягивал руку, прежде чем потянуться за мечом. *Война, Магистр Войны, Крестовый Поход...* это всего лишь слова, выбранные для воодушевления народа. Это гордые, сильные слова, чье назначение - впечатлять, подчеркивать нашу доблесть. Но они - всего лишь пропаганда, вроде тех историй, что вы записываете и пересылаете домой. Они повествуют о силе и отваге, о единстве цели, о самоотверженности. И тем не менее, это *всего лишь слова*, а они выражают лишь малую толику всего, что мы делаем. Вскоре, полагаю, мы сможем полностью от них отказаться. Они станут излишни.

Нет. Как забавно. Нет, летописец, я *не* думаю, что вместе с ними стану лишним и я сам. Моя партия только началась. Мамзель Мерсади, если вы надеетесь на мою скромность, то вам нужен другой человек. Я знаю, что я такое. Я возвышаюсь над вами, Мерсади Олитон. Я вчетверо выше вас. Я выше всех мужчин и женщин. Мне *хорошо известна* моя сущность. Я человек, летописец, но будь я скромником и заяви, что я *только лишь* человек, то думаю, у вас появилась бы настоящая причина

бояться меня. Ведь это означало бы, что я либо лгу вам, либо нахожусь во власти какого-то опасного заблуждения. Мне *нужно* знать, что я такое. Я – пост-человек. Я – примарх. Я – Луперкаль. Выражаясь понятиями древней Эленики^[9], я – полубог. Я не могу скрывать этого. И не должен. Отрицать этот факт – значит, отрицать себя, а отрицать себя – значить, отрицать свое предназначение. Я принимаю себя таким, какой я есть, и радуюсь этому.

Я был создан для великих свершений. Это не высокомерие. Знаю, что не говорили такого, но я вижу выражение вашего лица, так что... Это *не* высокомерие. Это честное принятие себя. Нельзя запихнуть столько мощи и потенциала в одно тело и не убедиться, что оно осознает свою природу. Было бы высокомерием притворяться, что это *не так*. Притворяться, что я... нечто *меньшее*. Если бы я протестовал, если бы изображал скромника, что ж... тогда у вас действительно был бы повод для беспокойства.

Я знаю, что я такое. Я, в самом хорошем смысле, *боюсь* того, что я такое. Потому что в противном случае, я был бы очень, очень опасен.

1: VIII

Осколки

Повсюду озера, озера из прометия, наполнившего воронки от снарядов. Некоторые ярко полыхают, превратившись в огненные лагуны, поднимая в воздух облака сажи. Другие озера, озера охлаждающих жидкостей, химикатов или стоялой воды из разрезанных цистерн, покрыты тонкой радужной пленкой горючего, и когда оно воспламеняется, то горит тихо и практически невидимо, колыхаясь прозрачными язычками бесцветного пламени, от которого шарахаются насекомые. Некоторые озера свинцово-розовые от медных осадков. Другим цианиды подарили зеленоватый оттенок.

Укрывшись под Стеной Санктус, Соджук из Белых Шрамов собирает арьергард. Другие Белые Шрамы, Кулаки-Преторианцы и некоторые Кровавые Ангелы следуют его указаниям. Соджук смертельно устал и опустошен горем. Всего несколько часов назад, он упокоил тело своего павшего Кагана и решил, что остаток своей жизни проведет в скорби, на коленях у его одра. Но великие стены пали, и убежище, в которое он принес труп Великого Кагана, перестало быть безопасным. Война подобралась еще ближе. Поэтому Соджук встал, безмолвно кивнул своей убитой горем госпоже Илии Раваллион и вернулся обратно на поле боя, которое так стремилось отыскать его.

Врата Вечности закрыты. Возможности отступить уже не будет. Он обречен остаться в чистом поле и сделать все, что в его силах.

Мортен Линц, прекрасный капитан и кровь от крови Дорна, командующий этим участком арьергарда. Он мертв, его череп разнесло огнем тяжелого болтера. Соджук в звании *хана*, и после смерти Линца он стал самым старшим из всех присутствующих. Теперь он отвечает за арьергард, за эту тонкую, прерывистую линию, прочерченную перед kloкочущим океаном Гвардии Смерти. Он стряхивает с себя мрачные мысли, словно теплую шкуру с плеч в начале степного лета, и им на замену приходит предельная сосредоточенность *ярака*, охотничьего ястреба, жаждущего вцепиться в добычу. Охотясь на равнинах, они подкармливали ястребов объедками, чтобы те оставались сильными, но *лишь* объедками, позволяя

их голоду оставаться таким же острым, как и их когти.

Вот его равнина. Он – тот самый ястреб. Он готов лететь и зовет остальных лететь вместе с ним.

Грязь удерживает в вертикальном положении застывший труп, он скалится в вечной ухмылке и указывает в пустоту окоченелой рукой.

Толпы бегут. Несметные орды людей рыдают. Они заполняют улицы, слепо тычась туда-сюда, задыхаясь в пыли, крича и звоня в колокольчики в надежде, что их увидят или услышат остальные, потому что остаться одному – значит, погибнуть. Они бегут по некогда гордым улицам, а сверху на них смотрят выведенные кровью слова «Император Должен Умереть» и отвратительные символы Хаоса и ереси.

Они бегут в никуда. Подготовленные Дорном бункеры и укрытия уже переполнены. Павший город пытается защитить своих жителей, но выжившие из Магнификанов сбежали в Переднюю, а когда Передняя запылала, то вместе с выжившими из Передней они потекли в Палатинскую Зону. Больше негде укрыть миллионы людей, надеявшихся, что последняя крепость защитит их. Бункеры переполнены и, в соответствии с военным уставом и тактической необходимостью, все точки доступа к обширным подземным уровням Санктума заблокированы с поверхности.

Пойманные в ловушку на улицах, толпы бегут в никуда. Живое напоминание о смертности ломает их изнутри. Они видят на стенах слова – «Император Должен Умереть» – и знают, без малейших сомнений, что должны умереть вместе с ним.

Нигде не безопасно. Никто не в безопасности. Ничто не осталось в неприкосновенности. С погубленных зданий сыплется обломки, падая и убивая бегущих и прячущихся на улицах людей. Стекло льется сверху, словно дождь из кинжалов. Налетают шквалы кровавых ливней, пирохимических метелей, пепельного снега. Дышать больше нечем. Каждый вдох несет в себе дым, пыль, микрочастицы камней и щебенки, царапающей легкие, бактериальные испарения, боевые химикаты, токсичные био-отходы. Сжимаются глотки, кровоточат десны, гниют языки, по щекам бегут кровавые слезы из лопнувших сосудов. В глазах – песок, в легких – застывшая пена.

На Орлином Пути кто-то зовет ее по имени. Кто-то всегда зовет ее по имени. Даже когда рядом никого нет.

1: IX

На Орлином Пути

На Орлином Пути стоит она, а вокруг нее бушуют толпы. Эуфратия Киилер опускает на землю пожилую женщину, которую несла, прислонив ее к утратившему свою статую постаменту. Старуха контужена и безвольна. Ее ноги в плачевном состоянии. Откуда бы та ни бежала, свою обувь она оставила там. Улицы усеяны битым стеклом.

- Подожди вместе с ней, – говорит Киилер Элиду. – Поспрашивай еще раз, может быть, кто-то видел ее родственников.

Старик кивает.

Киилер оборачивается в поисках зовущего ее голоса. Это мог быть кто угодно. Здесь так много людей. Более семидесяти пяти тысяч лишь на одном Орлином. Заблудшие, бросившие свои дома и бегущие прочь, гражданские – и *только так* их можно назвать, всего лишь жители, рабочие, или целые семьи – стекаются сюда в поисках чего-то, укрытия, убежища, способа выбраться отсюда. Вместо этого, они каким-то образом находят ее.

И взывая к ней, они хотят столько всего, и почти ничего из этого она не может им дать. Помощь. Ответы. Утешение. Обещания. Они хотят знать, почему все это происходит. Они хотят услышать ее слова.

А что она *может* сказать? В ее импровизированном конклаве есть назначенные ею ораторы, однако их учение не имеет ничего общего ни с одной из духовных философий. Многие называют их проповедниками, но ей кажется, что это слишком простое слово, которое легко может ввести в заблуждение. Она обучила их предлагать людям мирские наставления, инструкции по организации быта, мобилизации, а также простые принципы выживания. Сейчас не место и не время спорить о высших материях.

Положение дел меняется чрезвычайно стремительно. Палатинскую Зону взяли штурмом и заполнили враги, а Санктум Импералис, получивший зловещее прозвище «последняя крепость», заперт наглухо. Смерть приближается со всех сторон. Той горстке Астартес, что сопровождали Эуфратию, пришлось отступить и сформировать арьергард. Теперь же, все эти временные меры и попытки ее конклава организовать несколько сотен людей в армию сопротивления больше не имеют смысла. Людей *слишком* много, и им не хватает оружия, даже самодельного. Не в силах направить безоружные массы прямоком на вражеские ряды в надежде, что те смогут замедлить их продвижение одним численным превосходством, конклав предпринял безумную попытку организовать общий исход и вывести толпы в те немногие районы Палатины, что еще остались нетронутыми.

А потом... Что ж, не будет никакого *потом*. Внешние доминионы, все земли Магнификанов и Передние владения, полностью потеряны. Внутренний Дворец уменьшается, словно медленно тонущая лодка или горящее в камине полено. Скоро не останется мест, где можно укрыться.

Кажется, голос принадлежал Переванне. Старый генерал-аптекарий протискивается к ней сквозь плотную толпу.

– Сардийский^[10] Путь заблокирован, – сообщает он ей. Он залит кровью с ног до головы – кровь на тунике, на фартуке, руках и лице – и вся она не его.

– Огонь? – спрашивает она.

– Боевые машины, – отвечает он.

– Значит, поведем их на север, – решает она. Это не вопрос. Остался *лишь* север.

– На подходе еще тысячи, – говорит Переванна. – Они заполнили Хирос, Принципус и высоты Нависа. Их тысячи. Я ни разу не видел...

Киилер кивает.

– Словно они знают, что вы здесь, – добавляет он. – Откуда они знают, что вы здесь?

– Они не знают.

- Ходят слухи...

- Они *не знают*, сэр. - Киилер отворачивается и вытягивает палец. Она указывает не на окружающие их монументальные шпили, а на лежащее за ними небо, на мерцающее зарево на Львиных, Золотых и Европой.

- Огненные бури, - говорит она. - Резня. Они идут сюда, потому что больше некуда.

Это так. Но никто из них не верит в это всем сердцем. Слухи *действительно* ходят. Она пыталась сделать свой посыл как можно более простым, чтобы назначенные ораторы могли распространять его максимально доступным образом. Суть его такова; называйте это верой или убеждением, но не в божественность Императора - ведь Он отрицает ее столь же неустанно, как сама Эуфратия отказывается от звания святой - но в идею, что Император - это лидер, у которого есть *план*, есть Великая Цель, мечта об Империи, которую требуется сохранить и поддерживать.

Если массы идут сюда в поисках истины, то здесь уже и так ее слишком много. Какими смехотворными теперь кажутся те неуверенные вопросы божественности. Она знала это еще с того самого дня у Шепчущих Вершин, с того первого богоявления, что открыло ей глаза. Она боролась за эту истину, спорила, попала из-за нее в заточение. Ныне же ее ересь кажется вполне обыденным явлением. Потусторонние Нерожденные теперь повсюду. Если вы ищете чудес и знамений, то вот они, сколько душе угодно! А если существуют демоны, то без сомнений, существуют и божества? Реальность не может быть настолько бессмысленна и жестока, чтобы сотворить тьму без света.

И все же, доказательство отрицает веру. Император отрицал свою божественность на каждом шагу. Для этого должна быть причина. И эта причина просто обязана быть ключевой деталью Его плана.

Киилер думает, что ей известна эта причина. Она не уверена, стало ли это знание результатом уединенных размышлений, или ей было даровано откровение свыше. Причина проста: любое признание сил за пределами материальных автоматически признает существование *нематериального*. Признать Его богом - значит, вместе с Ним признать и *тьму*. Император запретил поклоняться Себе, чтобы эта тьма не нашла путь в сердца людей. Человечество для нее - слишком соблазнительный сосуд.

Такова ее истина. Ее метаверитас.^[11]

С того самого дня у Шепчущих Вершин, жизнь постоянно и весьма болезненно говорила ей, что та избрана для чего-то. Поначалу, она считала, что ее миссия - зажечь первое пламя и нести слово об истинном величии Императора. Стать апостолом. Император, в смирении Своем, не мог назвать Себя богом. Возможно, кто-то должен был сделать это за Него.

Теперь же она уже не уверена, что ее предназначение в этом. Сейчас она считает, что ее цель совсем в другом, что она - часть Великой Цели, на которую ей было позволено взглянуть одним глазком. В конце концов, вера - ключ ко всему. Не твердая вера в доказанную истину, а свобода безусловной веры, слепого доверия, не требующего доказательств и подтверждений. Право освободиться и посвятить себя Ему, верить в Него, не как в бога, но и не как в человека, а как в путь, в процесс, в облик будущего.

У него есть замысел. Тысячи лет этот замысел претворялся в жизнь. Чтобы действительно послужить Ему, человек должен посвятить себя этому замыслу, стать его частью. Для этого не нужно понимание.

Таков единственно возможный способ выразить свою веру.

Что восставшие демоны, что Хорус Луперкаль, в подлости своей извративший и разорвавший все узы

верности и крови, не являются доказательством божественности Императора, но также они не являются свидетельством Его человечности и ошибочности его замысла. Их даже нельзя считать свидетельством того, что этот замысел провалился.

Они - всего лишь подтверждение невообразимой и вечной значимости самого замысла, ведь если все это случилось, чтобы нарушить его, если *сам варн* восстал против него, насколько же он грандиозен на самом деле?

Переванна уже отправился на помощь прибывающим раненым. Киилер пробирается сквозь толпу по Орлиному Пути, пытаясь расчистить путь впереди. Она не обращает внимания на беснующийся город позади себя, как и на вопли испуганных людей.

Так много людей. Некоторые протягивают к ней руки в попытках прикоснуться, словно знают ее.

- Не останавливайтесь, - говорит она. - Север. Идите на север.

1: X

И на других тропинках

Кое-кто на территории Дворца прокладывает свой путь уверенно и целеустремленно. Когда Стена Шигадзе^[12] пала, рухнув, словно опущенный подвесной мост, скопившиеся позади нее грязь и пыль вырвались на свободу сплошной волной, высотой в полтора километра и шириной в тридцать. Из этого бурлящего потока, похожего на реку темной резины, родится новая Старая Ночь. В клубах этого дыма рыскают порожденные им твари. В тумане шагают механические пауки, танки-амфибии, горбатые, проржавевшие боевые машины, лоснящиеся Титаны-скарабеи. С лапами ящериц вместо колес, с бычьими рогами, храпящие и рычащие; вперед ползут демонические машины войны, волоча за собой цепи и вращая силовыми клинками. Вот они, порченые орудия марсианского кошмара, гигантские и утыканые шипами, приземистые и бесформенные. Их поршни сочатся маслом, а выхлопные трубы плюются хлопьями сажи.

Все они знают, куда направляются. Есть лишь одно направление, *вперед*. Лязгая и скрежеща шестернями, с грохотом и визгом они идут к сердцу всего. Некоторых ведут ауспики или локаторы дальнего обнаружения. Некоторыми управляют адепты, судорожно копошащиеся над картами и отдающие приказы к смене направления, бегая грязными пальцами по бумаге. Некоторых ведет прописанный код гипно-имплантированных приказов. Некоторые двигаются под руководством модерати, сидящих в установленных на мачтах «вороньих гнездах» или укрывшиеся в треугольных башнях. Они таращат модифицированные глаза в атмосферный бульон, передавая увиденное с помощью нервных импульсов. Некоторые левиафаны, лишённые рассудка, движимы позывами заднего мозга, животными страстями или голодом. Некоторые следуют за звенящим в ушах шепотом Нерожденных или грезами обезумевших принцепсов.

Все они прекрасно знают, куда идут. Вперед, внутрь, прямиком к сердцу, к последней остановке, к концу, к смерти.

В уверенности есть наслаждение, а почти вся уверенность на стороне врага.

Но кое-кто, совсем немногие, где-то в израненном городе, обладают собственной уверенностью. И вперед их ведут секреты.

Имперский Дворец – самое неприступное место в галактике, поэтому вполне очевидно, что Альфа-Легиону известен путь внутрь. Если существует какая-то тайна, они просто обязаны ее узнать.

Их ведет Альфарий, его переливающаяся сине-зеленая броня скользит сквозь тени. Точный цвет ее чешуек постоянно ускользает от взгляда, словно масляная пленка на поверхности воды, что вполне сочетается с сущностью его вероломного легиона.

Ну, или так кажется Джону Грамматикусу, который тащится за ним следом. Ему уже приходилось иметь дело с последним легионом. Единственный заслуживающий доверия факт о нем, известный Джону, в том, что они не заслуживают доверия. Этот воин даже не Альфарий, в том смысле что *нет* никакого Альфария, и даже сам Альфарий – не просто Альфарий. Они *все* – он, или *никто* из них не он, или... или... да гореть им всем в аду за то, что испоганили ему жизнь.

Но конкретно этот воин знает его, так что верно должно быть и обратное. Откуда. С Нурта, много лет назад? Теперь все это кажется сном, даже правда о тех событиях перестала быть правдой, подверглась исправлениям, отрицанию и правке. Джон стал антитезой человеку, которым был тогда, Омегоном для того Альфария. Если тогда он трудился ради триумфа Хоруса, то теперь он ставит на кон свою вечную жизнь, чтобы его предотвратить.

Так что с этим Альфарием? К какой версии истины принадлежит он? Какому скользкому аспекту полоумной гидры он соответствует?

Альфарий говорит мало, но, когда он открывает рот, Джон внимательно слушает. Он аккуратно исследует его с помощью своего логокинетического дара. В лучшем случае, простому смертному пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы отличить одного трансчеловека-Астартес от другого: все они – просто накачанные куклы, вырезанные по одному шаблону. Но с Альфами даже об этом можно забыть. Они с удовольствием играют на своей анонимности и взаимозаменяемости.

Однако, слова не лгут, и неважно насколько осторожно их произнесли. Идиолект^[13] столь же уникален, как отпечаток пальца. Когда «Альфарий» говорит, Джон составляет в уме глоссарий микровыражений его тона и эмоций, тонкостей словарного запаса, проблем с тавтологией, бессознательные намеки на акцент, ударение, произношение. Он смакует каждое слово и слышит в них внутреннее строение рта, особые нюансы акустики, создаваемой зубами, языком и нёбом, наноскопические особенности голоса. Все это он сравнивает со своими воспоминаниями.

Чтобы собрать улики, он завязывает разговор прямо на ходу.

– Вы знаете вход во дворец, куда не должно быть входа, но не воспользовались им? – спрашивает он.

– Тайны необходимо хранить и использовать лишь тогда, когда они обретают наивысшую ценность, Джон, – отвечает Альфарий. – И ты это знаешь. Ты знаешь, как мы действуем.

– И вам не пришло в голову, ну не знаю, рассказать Хорусу, что будь у него на то желание, вы могли бы прогуляться вместе с ним напрямик во Дворец, минуя Дорновы стены?

– Нет, Джон. Мне не пришло. – Вот оно, акцент на местоимении первого лица. Интересно. О чем это говорит? О независимости мышления и действий? Может, этот Альфарий каким-то образом отбил от остальных, или он просто одинок?

- Но если он решит попросить...?

- Он не просит, мы не предлагаем. Ни одному из них, ни Луперкалю, ни Владыке Железа, ни... Преторианцу не придет в голову, что... что у нас может быть доступ внутрь.

- Выходит, они не знают вас так, как я, не так ли? - говорит Джон, расплываясь в, как он надеется, располагающей улыбке.

- Нет, Джон, не знают.

- Я это к тому, что ваша помощь избавила бы их всех от кучи хлопот. Просто кучи хлопот. В смысле, какого рожна...

- Ты не ошибаешься, Джон.

- Так значит, ты делишься с нами этой тайной сейчас потому что... потому что что? Она обрела наивысшую ценность?

- Этот мир умирает, Джон. Когда это случится, сгинет множество тайн. И вся их ценность сведется к нулю. Так что пользоваться ими надо либо сейчас, либо никогда.

- Чтобы помочь нам?

- Как тебе угодно.

- Знаешь, что мне угодно? - говорит Джон. - Мне было бы угодно знать, что я могу вам доверять. Хотя бы раз.

Они оба замолкают и оглядываются на тропу, узкую расселину в скале, вьющуюся вниз, к тайному сердцу Земли. Позади них покачиваются люменосферы: остальные члены группы медленно догоняют их, с трудом дыша горячим подземным воздухом. Женщина, Актея, Олл и его оборванцы, которых Джон поэтично обозвал «Аргонавтами», а замыкает строй мрачный воин Эрды, Лидва.

- Не здесь, - говорит Альфарий. Слова - простые слова, несущие в себе жуткий намек на признание - тревожат Джона.

- В каком смысле?

- В том смысле, что не здесь. Не в пределах слышимости. Не в пределах мысли. Идем дальше, может, немного оторвемся от них. Вот тогда, полагаю, мы сможем обменяться взаимным доверием.

- Договорились, хорошо.

Они продолжают свою путь, карабкаясь по отвесному желобу в скале. Джон с трудом заставляет себя держаться вертикально на блестящей минеральной корке. Альфарий ступает по ней без особых усилий.

- Так значит, эм, ты уже ходил этой дорогой раньше? - спрашивает Джон.

- Я знаю, что ты просто пытаешься заставить меня говорить, Джон.

- Нет, - лжет Джон.

- И я всегда узнаю ложь, когда слышу ее.

- Что ж, - говорит Джон, - охотно верю.

1: XI

Ордо аб Хао^[14]

Так вот, этот образ - золотой царь на золотом троне - не тот, который он бы выбрал для себя сам. Просто этот образ необходим, это знак, символ его нынешнего бремени. Но смысл этого образа угасает, и его уже недостаточно.

+Очнись, пошевелись, скажи мне слово. Дай знак, что слышишь меня. Нам нужно поговорить+.

Да простит он меня, но я весьма настырен.

Мы сражаемся в одной войне, а скоро будем сражаться сразу в двух, или нас заставят выбрать одну из них. Его верные сыны, коих осталось так мало, все еще доверяют ему, доверяют до такой степени, что это действительно трогает. Но я вижу их сомнения. Последние стены рушатся. Солнце налилось кровью. Они боятся, что он сидит здесь в бездействии, неподвижный, бессильный, безучастный. Они думают, что он ничего не делает, и не делал ничего с самого начала, как только случилось все это безумие. В отличие от меня, знающего все слишком хорошо, они понятия не имеют о тех безмолвных усилиях, которые он прикладывает для предотвращения эсхатологического^[15] разлома всего реального мира.

Они не понимают. Они *никогда* не понимали его. Они едва понимают меня, а ведь я всего лишь его Сигиллит. Несмотря на свою удивительность, свое совершенство, несмотря на настоящее пост-человеческое чудо, которое они собой олицетворяют, каждый из них - всего лишь инструмент, созданный для определенной задачи. Им не хватает прозорливости. Даже лучший из них, его грозный Ангел, который временами способен заглянуть в будущее даже глубже своего отца, не осознает ситуацию в полной мере. Они молят его подняться, покинуть свой трон и присоединиться к ним. Они жаждут откровения. Они хотят, чтобы их Император вернулся, чтобы вернулся тот царственный воин, который возглавлял их на фронтах Великого Крестового Похода. Разве не может он обратить ход битвы? Разве не может он повергнуть столпившихся у врат вероломных предателей? Почему он бездействует? Почему он не с нами? Почему он отсиживается здесь, словно ничего не происходит?

Ведь если он встанет и возьмет в руки меч, сражаясь плечом к плечу с нами, война окончится в считанные часы, и мы вырвем победу из лап злодеев? Разве он не *ордо аб хао*? Разве нет внутри него *люкс ин тенебрис*?

Разве он не *хуманус пантократор*?^[16] Почему он *допускает подобное*?

Как мало они знают. Время никогда не было на нашей стороне. Поначалу, нам казалось, что мы располагаем просто ошеломительным количеством времени, но сейчас оно, без сомнений, наш враг. Завтра почти наступило. Часы отстукали последние секунды. Таковы простые факты, которые даже мой повелитель не способен изменить. Защитная эгида вот-вот падет. По могучим бастиянам ползут трещины. Дворец падет в считанные часы. Он уже продержался дольше, чем рассчитывали обе стороны конфликта. Мир погибнет, это всего лишь вопрос нескольких дней. Он попросту разлетится в клочья, не

в силах противостоять натиску. Таковы факты. Несмотря на немыслимые потери, враги-предатели вот-вот победят в материальной войне.

+Скажи мне слово. Открой глаза. Нам нужно поговорить+.

Как нам перестроиться, как нам отринуть эти факты? Время никогда не играло на нашей стороне, и теперь оно вышло. Мой господин и повелитель не может покинуть свой престол, иначе нематериальная война будет проиграна. Без его пристального внимания и управления этим устройством, этим Золотым Троном, затопившие древнюю паутину волны имматериума прорвут каналы под нашими ногами и сметут все на своем пути. Сюда ворвется варп, оскверненный населяющими его уничтожителями, порожденными Хаосом, и Земля умрет изнутри. Она сгинет через несколько секунд, задолго до того, как падет Дворец, задолго до того, как материальная война упокоит нас всех. Время на исходе.

Это выбор между поражением и поражением. Он может, и он не может. Он обречен в обоих случаях. Боги хохочут над ним.

Обессилев от боли, он надеется на избавление, на вмешательство. И я цепляюсь за эту надежду вместе с ним. Все еще есть вероятность. Другие его сыновья, его верные сыновья, мчатся к нему с других солнц во главе своих армий, и возможно, они успеют обрушиться на предателей, сокрушить их и выиграть материальную войну.

Даже напрягая свой внутренний взор до предела, я не могу увидеть их. Я знаю, что взор моего повелителя, куда более могучий, чем мой, так же застилает тьма. Мой взгляд затуманен, линза помутнела от разводов. Терру и всю ее систему заволочило миазмами варпа, космос разлагается вокруг нее. Царство Сол погружается в эмпиреи, словно лодка, зачерпывающая воду пробитым дном. Я ничего не вижу. Наверное, они идут. Я уверен, они идут. Владыка Ультрамара, Лев, Волк, Ворон... все они и каждый из них спешат к нам на помощь. Они могут быть в считанных минутах от нас. Или часах. Или днях. Или месяцах. Время на исходе.

Возможно, они вовсе не придут. Возможно, мысль об их вмешательстве – всего лишь ложная надежда старика.

Они могут быть мертвы.

Если они мертвы, мы уже не сможем их оплакать.

Время на исходе. Настал тот самый час. Переломный момент, идеальный шторм, которого мы раз за разом пытались избежать, меняя свой план. Но каждая наша стратегия, каждая изощренная доработка оказалась бесплодной. Их блокировали, парировали, разбили в прах. Мой лорд, мой повелитель пытался сойти с этого пути, но он не может. Он не может ждать. Не может надеяться. Не может остаться. Не может уйти.

Он мог бы сразиться с армиями. Это я знаю наверняка. Он мог бы сразиться с демонами. Со своими сыновьями-изменниками. С коварными богами. Он мог бы сразиться как в материальной вселенной, так и вне ее. Но он не может сражаться с ними всеми одновременно, и не может сражаться со временем. Время... на исходе.

Здесь, в месте, которое остальные называют Тронным Залом, нет часов. Раньше были, но он попросил меня убрать их. Генераторы стазиса и стабилизирующие механизмы, встроенные им в устройство, которое остальные называют Золотым Троном, вступают в конфликт со временем. Стрелки застывают, или начинают бежать в обратном направлении, а бывает, что и перескакивают на различные мгновения

не-когда. Он сам следит за своим временем. Я знаю, что его осталось совсем мало.

Мы должны использовать его с умом, с максимальной эффективностью. А значит, нам придется снова перестроиться, приспособиться и пойти на компромисс, определить новую версию завтрашнего дня. Необходимо выполнить телеологическую^[17] переустановку.

+Очнись, пошевелись, дай мне знак. Мы должны поговорить+.

Он обязан составить новый план и подтвердить свой замысел отпечатком ладони.

Я заставляю его сделать это. Я остаюсь у подножия огромного помоста и продолжаю свои непрерывные, настойчивые психические мольбы.

Но боль настолько поглотила его, что я больше не уверен, услышал бы он меня даже если бы я кричал.

1: XII

Осколки

Дворец вопит.

Голос его страданий состоит из бесчисленных компонентов, как и сам Дворец. Каждую его часть, которую некогда собрали вместе с другими для сооружения гигантского здания, теперь отрывали от единого целого и выбрасывали, тщательно конструируя предсмертный вопль: скрежет измученного, сминающегося металла, вой распадающихся надстроек, визг дробящегося камня. На краткий миг, в час собственной кончины, Имперский Дворец словно оживает, пробуждается в агонии и непрерывно вопит.

Некоторые здания попросту исчезли. Достопримечательности с многовековой историей были полностью уничтожены, или превратились в океан обломков. Некоторые рухнули или накренились. Либрариум Манифольда, Южные Казармы Ауксилиии, Особняк Сиракуз, Чартерхолл: величественные храмы имперской власти и знаний лежали неподвижно, словно огромные лайнеры на дне высохшего моря. Другие, подобные им сооружения лишились крыш, облицовки, стен, внутреннее устройство их полов и светлиц обнажилось, словно геологические слои. Теперь они напоминали те самые чертежи Дорна, по которым их строили и укрепляли, только в натуральную величину.

Экран ауспика показывает движение неопознанной бронемашины по Полям Кланиума, к западу от Европейской Четверти. Танковые клинья откатываются назад в поисках выгодной позиции, перезаряжаясь на ходу. Этот эскадрон – тридцать восемь танков из тридцати восьми разных бригад – за последние полчаса уничтожил пять вражеских машин, но то были три Рыцаря из дома Атракс и двое «Разбойников»-вырожденцев. Ауспик показывал нечто более крупное.

Джера Талмада боится, что это могучий «Полководец». Цель двигается медленно, теряясь в тени башен Южной Европы, но показатели на потрескавшемся экране ее авгура говорят об огромной махине.

Опознавательные сигналы отсутствуют.

Полковник Талмада командует «Гибельной бурей», одним из четырех сверхтяжелых танков в стае. Со своего места в башне машины она командует всей стаей. Не этим она хотела заниматься. Всю свою жизнь она принадлежала танковой бригаде, но в рядах Корпуса Логистики, а не в боевом активе. Ее задача заключалась в починке, обслуживании и дозаправке, и ей не приходилось месить гусеницами грязь на передовой. Но потери были огромны. Когда снаряд превратил полковника Сагила в фарш, импровизированная боевая группа лишилась последнего линейного офицера, и все взгляды обратились к ней всего лишь из-за петлиц на ее воротнике. Двадцать девять членов ее экипажа еще три дня назад были знаменосцами или водителями.

Она командует построение «коса», крича в микрофон. Микрофон все еще покрыт кровью Сагила. Она направляет один из «Теневых мечей» прикрыть ее фланг с парковой насыпи. Стрелки перезаряжают орудия под ее ногами, обливаясь потом в жаркой духоте трансмиссии. Загрузочные магазины пустеют. Когда снаряды закончатся, что тогда? Отступить на пополнение боеприпасов, или продолжать натиск и попробовать поддержать пехоту огнем вспомогательных орудий? И если она решит отступить, то куда? Может, в бастион Латрис? Депо Шрив, в котором они пополняли запасы перед рассветом, по всем сведениям, уже уничтожено. Согласно некоторым докладом, Санктум запечатан и Вечность заблокирована. Конвоев поддержки от Логистики не видать. Талмада даже не может связаться с Логистикой по воксу.

У кого-то перехватило дыхание. Талмада слышит изумленные вздохи других экипажей. Целевая машина вошла в поле зрения.

Это титан класса «Император». «Властитель» или «Разжигатель войны». Трудно сказать наверняка из-за укрывшей поле боя дымовой завесы, а формальное опознание невозможно, так как вся машина почернела и обуглилась. Титан в высшей степени огромен. Для слезящихся глаз Талмады он выглядит как кусок самого Дворца, который выкорчевал себя из земли и решил пройтись. Крепость-бастион на могучих ногах.

Она боялась «Полководцев» из Легио Мортис и Легио Темпестус. Она слышала чудовищные басни о демонических машинах, прорвавших Вечную Стену, о юрких великанах на паучьих лапах, которые превращали каменную кладку в радиоактивное стекло своими мощными мельтами, а затем разрезали это стекло острыми мандибулами, высекая из них гладкие ступени, по которым смогли бы вскарабкаться предательские орды. Но *это...*

Это.

Кто-то что-то говорит. Она не обращает внимания. Они говорят снова. На третий раз, Талмада, наконец, прислушивается.

Это один из наших.

Так и есть. Так и *было*. Его знамена и вымпелы обратились в пепел. Его броня опалена. У него нет головы.

«Император» шагает неуверенно, пошатываясь и шаркая ногами. Его изувечили и обезглавили. Он шагает слепо, бездумно, бесцельно. Шагает лишь из-за какого-то остаточного импульса или мускульной памяти, чьи отголоски еще остались в периферийных системах. Лоботомированный титан шатается, его одолевают спазмы, он похож на обезглавленную курицу, которая еще дергается спустя несколько минут

после смерти. Он ничего не видит. Он ни о чем не знает, даже о том, что уже мертв. Он просто идет, кроша на своем пути здания, пока, наконец, рано или поздно не остановится навсегда.

Великий Имперский Виадук, некогда тянувшийся на девяносто пять километров, ныне обрывается в пустоту, став мостом в никуда, или в ад, или и туда, и туда.

Имя Эмхона Люкса было овеяно славой еще до начала предательской Ереси. Его деяния на полях сражений Великого Крестового Похода принесли ему почести, уважение своего легиона и репутацию, известную не только среди Кровавых Ангелов, но и среди братских легионов. Каждый из них по-своему признавал доблесть воина-чемпиона.

Имя Эмхона Люкса, сама сущность Эмхона Люкса, неразделимо переплетены с агонией. Во время ожесточенной защиты Горгоновой Гряды, плечом к плечу с возлюбленным примархом и такими бессмертными героями как Ралдорон, гордый Эймери, неистовый Хорададь Фурион, клинком к клинку с благородным братством Имперских Кулаков, Эмхон Люкс воссиял - и пал. Кузнецы Войны из предательского Четвертого сокрушили его ноги и тазобедренный сустав во время осады.

На исцеление, или хотя бы на починку, времени не было. После таких серьезных ранений, любому легионеру предстояли бы месяцы бережного восстановления, аугметической реконструкции, встреч с безликими хирургами со скальпелями вместо рук и хмурыми аптекарями с пальцами-шприцами.

Месяцы помутненного сознания в морфиновой коме и каталептической фуге. Месяцы похожего на смерть сна, наполненного запахом мяса и сращиваемых костей, напоминающие о скотобойне. Чужеродный холод вставок из псевдоплоти и синтетических мускулов в тех местах, где еще не отросли и не воссоединились нервы. Месяцы беспокойных сновидений, в которые проникает пицание био-мониторов и систем жизнеобеспечения. А затем еще месяцы ему пришлось бы заново учиться стоять и ходить на незнакомых конечностях.

Но месяцев у него не было. Не было ни недель, ни даже дней. Едва ли часы. Даже великий триумф Горгоновой Гряды, за который Люкс заплатил столь суровую цену, остался лишь в воспоминаниях. Гряда, отвоеванная большой кровью, теперь потеряна, как и Мармакс, Виктрис и Колоссы. Как и все остальное. Эмхон Люкс не прекращал выть в своей постели, пока ему не позволили встать. Его переломанное тело обмазали гелями, завернули в дермальные обертки и, согласно инструкциям, которые он продиктовал сквозь стиснутые зубы, приковали его к суспензорному трону Механикус с помощью цепей и керамитовых скоб.

Путь во Внутренний Дворец свободен, и Эмхон Люкс возвращается на поле боя. Он скользит по расколотому рокриту, и агония неотступно следует за ним, несмотря на встроенные в основание его трона болеутоляющие устройства, которые накачивают его тело неразбавленными опиатами через назогастральные^[18] трубки, ведущие внутрь его живота. Он приглушает боль, но она не покидает его совсем даже несмотря на опиумный туман и интенсивную ментальную обработку. Она всегда будет рядом. Но он напоминает себе, что даже *всегда* теперь имеет ограниченный срок.

Кишечная стома^[19] в нижней половине его тела оставляет за собой на земле след из биологических отходов. Он сжимает лаз-пушку, положив ее ствол на сгиб локтя и оперев оружие на подлокотник. Его руки все еще работают. Мир вокруг него заволкло пеленой горячки, воин страдает от жара и

галлюцинаций. Он осознает, что виной тому нечеловеческая доза анальгетиков, текущих по его телу, но жар и галлюцинации от этого не исчезают. Ему тяжело отличить иллюзии своего горячего разума от новой реальности – воплотившихся кошмаров рвущейся на части действительности.

По правде говоря, ему уже все равно. Он настолько сосредоточен на отрицании боли, что ему не хватает сил отличать выдумку от правды. Все вокруг изменено и переплавлено. Он доверяет лишь метке на целеуказателе своего визора. Он доверяет тяжести оружия в своих руках. Он доверяет следующей за ним фаланге боевых сервиторов, волочащих за собой роторные пушки, дуговые винтовки и кулеврины. Он подчиняет их своей воле с помощью импульсного узла, грубо вмонтированного в основание его черепа. Куда целится он, туда и они.

Он скользит в пыльной тени Арки Манумиссии. Он скользит по волнам боли. Визор регистрирует многочисленные контакты на Дамановом Пути перед ними. Реагируя на тепло и движение, системы создают в дыму оцифрованные силуэты. Железные Воины, мрази из отделений прорыва Стор-Безашк. Похожие на цинковых големов, отродья Пертурабо ведут за собой полудикие орды предательской ауксии. Люкс слышит рев их боевых горнов, возвещающих победу.

Рано радуетесь, ублюдки ссыкливые.

Он поднимает пушку, сжав кулак на верхней рукоятке, и принимается поливать врагов лучами ослепительно яркого света. Его трон дрожит. Автоматоны вокруг него вскидывают оружие и открывают огонь, поддерживая Эмхона всполохами пламени. Отстрелянные гильзы летят в воздух, словно опилки.

Враги подарили ему боль и заставили его жить вместе с ней.

Он дарит им боль в ответ.

На Орлиной Дороге, в другом потоке человеческой реки, Кацухиро тащит свой двойной груз, оружие и ребенка. Он пытается лавировать в толпе, придерживаясь общего направления, избегая людей с груженными добром тележками и импровизированных носилок с ранеными. Дитя в его руках, унаследованная им ответственность, ведет себя тихо, прижав голову к его груди. Его оружие тоже ведет себя тихо. Пока что.

Когда-то он был призывником Куштун Наганды из Старой Сотни. Обрывки его последнего приписного удостоверения трепыхаются в петельке на его шинели. Он, крошечная часть единого целого, прошел эту войну, побывал в самом пекле. Теперь он формально присоединился к конклаву, движению, которое естественным образом возникло вокруг женщины по имени Киилер. Этот путь кажется ему странным, не вполне ясным. Он не знает, как относиться к Киилер, хоть и уважает ее харизму и ее честность. Он размышляет, а не может ли быть так, что этот конклав, полностью неофициальный и, вероятно, еще и незаконный – если бы остался хоть кто-то, чтобы объявить его таковым – всего лишь фантазия, массовое помешательство, призванное дать людям хоть какую-то точку опоры. В мире, треснувшем в самой своей основе, конклав стал метафорой, позволяющей людям чувствовать себя так, словно они делают хоть что-то, словно у них остались обязанности. Религия – его шаткая основа.

В свой смертный час, люди обращаются к вере. Духовную веру отвергали столь долго, что ее внезапный всплеск не может сфокусироваться ни на чем ином, кроме Императора. Это запрещено на всех мыслимых уровнях, запрещено Им Самим. Но никто, даже сам Повелитель Человечества, не может объявить вне закона страх, надежду или неистовое желание чего-то. В последнее время, человеческая потребность в чем-то большем, чем просто могучий правитель, потребность, о которой немногие из них подозревали, открыто явила себя миру. Люди отчаянно цеплялись хоть за что-нибудь, как это дитя

сейчас цепляется за него. Из человека они сотворили бога-спасителя, не спросив и не озаботившись Его мнением на этот счет.

Огромный проспект заполнили толпы. Здесь скопились десятки тысяч людей, еще десятки тысяч стекаются с Арталийской Дороги и Хиросского Хода, еще сотни тысяч движутся от Врат Лотоса и высот Нависа. Каждый раз, когда грохот взрыва раздаётся слишком близко, по копошащейся массе пробегает волна паники. Каждый раз, когда что-то пролетает между высоких шпилей и жилых блоков, толпа вжимается в землю.

Сложно понять, что именно пролетает у тебя над головой. Гражданские самолеты, бомбардировщики, десантные корабли, транспортники...они движутся слишком быстро, а вокруг скопился слишком густой дым. Временами, Кацухиро кажется, что это вовсе не машины. Его глаз цепляется за крылья, словно у летучих мышей и стервятников, его уши улавливают инфразвуковое мурчание легких и скрипение мышц - но не двигателей.

Он нашел очки с одной разбитой линзой. Он обмотал свое лицо и лицо ребенка так, что стал похож на разбойника, спасаясь от пыли и сажи. Некоторые жгут ладан или несут с собой фонари. Большинство также замотало уши или заткнуло их чем-нибудь, но Кацухиро хочет продолжать слышать, чтобы оставаться начеку, даже если кроме боли, криков и непрерывного гомона слушать больше нечего. Один только шум способен вымотать кого угодно.

Он не уверен, является ли он по-прежнему частью конклава, да и существует ли конклав до сих пор. Прошло уже три часа с тех пор как он последний раз видел одного из членов паствы. Основной задачей конклава было оказывать помощь, набирать волонтеров в добровольческие отряды и обеспечивать переброс снаряжения и боеприпасов к линии фронта. Но людей стало так много, что все вышло из-под контроля. Линии снабжения переполнены и лишились всякой организованности.

Кроме того, склады с боеприпасами в огне.

Толпы текут рекой, словно знают, куда направляются. Люди тащат других людей. Многие из них ранены или больны. Каждый из них измазан сажой. На всю бесчисленную толпу всего два выражения лица: рыдающее или опустошенное. Вспыхивают драки буквально без причины, мужчины и женщины бьют друг друга, потому что не могут ударить что-то более существенное.

- Прекратите, - говорит им Кацухиро, одной рукой прижимая к себе ребенка, другой придерживая оружие. - Какая от этого польза? Какой в этом, к черту, смысл?

Какого черта тебе надо? - видит он во взглядах, направленных на него. *Ты такое же ничтожество,* говорят обращенные к нему глаза. Но они отступают. Он не знает наверняка, было ли дело в его оружии или в ребенке.

И несмотря на это, они правы.

Император Должен Умереть. Император Должен Умереть. Этими словами исписаны грязные стены, они вырезаны на выщербленных бастionaх. Они выведены краской, смолой, дегтем и пеплом. Они написаны кровью. Они повсюду - намалеванные кистью, руками, вырезанные лезвиями, выжженные паяльными лампами.

Кое-где, слова просто появились из ниоткуда, начертанные рукой не из мира живых. Слова проявились в камне, словно волдыри, словно сыпь, словно ритуальные шрамы. *Император Должен Умереть. Император Должен Умереть.*

Это боевой клич, который скандирует миллион голосов. Он заполняет воздух и прилипает к стенам.

Вокруг этого лозунга, где бы он ни появился, возникали и другие слова: угрозы, обещания, иконография разбухающей тьмы, зловещие символы эфирной мощи. Четыре слова. Четыре имени, которые становятся восьмью. Ложные боги.

И еще одно имя, другое имя. Повторяющееся все чаще и чаще.

1: XIII

Запись интервью, проведенного летописцем Олитон

Он выбрал меня. Мой отец, после Улланора. Но на самом деле, *не было* никакого выбора. Я - его первый найденный сын. Видите ли, мой отец - человек, но вместе с этим совершенно точно - нет. Он - нечто большее, гораздо большее чем я. По всем масштабам и меркам, он - бог, хоть мы и всячески отнекиваемся от этого слова. Он отвергает этот термин. Мне кажется, что возможно, наш язык, как и все человеческие языки, не смог придумать слово для такого существа как он. Человек, но богоподобный в размахе своего вдохновения. Он не переставал трудиться, сколько? Тридцать тысяч лет, или больше, миледи? Тридцать *тысяч* лет. Если определение «человек» едва справляется с тем, чтобы охарактеризовать меня, то оно совершенно точно не в силах охарактеризовать его. Мне всего лишь пара столетий от роду - мелочь по сравнению с ним, зеленый росток, едва пробившийся из посеянного им семени. Он создал меня чтобы помочь ему в его работе.

Я был первым сыном, которого он отыскал. Те дни были лучшими в моей жизни. У нас было тридцать лет, только он и я, отец и сын. Он вытащил меня из тьмы Хтони, в которой нашел, и усадил подле себя. Мы проводили время вместе. Я получил тридцать лет его полного внимания и воспитания. Между нами возникла связь. Нерушимая связь. Крепче чем любая из тех, что соединяла его с остальными сыновьями, ведь ни у одного из них не было того времени, что я провел с ним. Тридцать лет. Полагаю, это не так уж и много. Тридцать против тридцати тысяч, едва ли один удар сердца. Но даже так. Для меня это время драгоценно. Он научил меня всему.

Так что, разумеется он выбрал меня. Разумеется.

Остальные его сыновья, мои братья... Каждый из них по-своему велик. Мы с отцом отыскивали их, одного за другим. Как же мы радовались каждой находке! Радовались воссоединению, родной крови. Не могу вам этого описать. Я люблю всех и каждого из них. Они могучи, и я горд называть их родичами. Каждый из них обладает величием, а некоторые - *истинным* величием. Запомните, Мерсади, в каждой семье есть любимчики, хотя этого факта всегда стараются деликатно избегать.

Конечно, соперники были сильны. Соперники за должность Магистра Войны, я имею в виду. Временами меня затмевало величие братьев, и я рад это признать. Сила Ферруса. Непревзойденная сосредоточенность Пертурабо. Хитрость Альфария, последнего по старшинству, но не по значимости.

Я обожал их всех, и наслаждался их отвагой и достижениями. Но всегда есть любимчики. Рогал, мой дорогой брат, возможно, наилучший образец воинского искусства из всех, кого я когда-либо знал. Но вместе с этим он, буду с вами честен, упрям и лишен воображения. Он обладает слишком зашоренным

мышлением. Мой отец всегда питал особую слабость к Магнусу, и я думаю, что в нем отец видел свое особое наследие. Но Магнус отчужденный, он всегда держал дистанцию; не в одиночестве, но в отдалении, погружившись в собственные мысли. Мой отец любит его, но между ними всегда есть напряжение. Мне кажется, что возможно, они слишком похожи. Да и Магнус не отстает от отца. Так уж заведено в семьях, Мерсади.

Робаут, хм... не буду лгать. Я восхищаюсь им. Восхищаюсь обширным списком его заслуг. Если мы воплощаем собой черты наших родителей, леди Олитон, то я сказал бы, что Робаут весьма похож на ту версию отца, что носила имя Алисандр. Без сомнений, он был настоящим соперником. Он стал бы превосходным Магистром Войны.

Но когда дошло до дела, осталось лишь два достойных варианта. Двое *любимчиков* – давайте не будем притворяться, что это не так. Я сам и единственный сын, который занимает в сердце моего отца место столь же значительное, как и я. Мой ангельский брат, Сангвиний. Он прибыл поздно, но возможно, стал самым любимым из всех. Он тоже невероятно похож на отца, даже больше чем я. Черты лица... тон его голоса...

Он был единственной альтернативой. Хотите, расскажу секрет? Я бы *сам* выбрал его. Я люблю всех своих братьев, но моя любовь к Сангвинию особенно сильна. Я завидую ему. Звучит странно? Звучит как слабость? Да, *завидую*. Завидую ему. Хотел бы я иметь хоть крупичку его сверхъестественной изумительности. Он... Как же мне выразиться? Его... невозможно ненавидеть. Вы встречались с ним? Вы *обязаны* встретиться с ним. У вас перехватит дух от его присутствия. Он, Мерсади, единственный, кому я бы не стал противиться. Любой из нас мог бы стать Магистром Войны. Любой из нас преуспел бы на этом поприще, и мы все бы сплотились вокруг него без сомнений или вопросов. Я обладаю старшинством по праву первенца, и мои заслуги говорят за себя. Но если бы он выбрал вместо меня кого-то из них, то я бы почувствовал себя оскорбленным.

Кого-то, кроме Сангвиния. Если бы отец выбрал его, я бы не поставил под сомнение его решение. Ни на миг. Я бы возрадовался его возвышению и стал бы первым, кто выпил бы в его честь.

Если у моего отца и есть любимый сын, Мерсади, то это Сангвиний.

2. Стихотворение «Not For That City» написано английской поэтессой Шарлоттой Мью (15.11.1869 — 24.03.1928), творившей на стыке викторианской поэзии и модернизма. В книге представлен его отрывок, перевод выполнен своими силами. (прим. перев.)
4. Отрывок из латинской версии текста «Изумрудной скрижали», впервые опубликованной в 1541 году. Согласно легенде, текст скрижали был оставлен Гермесом Трисмегистом на пластине из изумруда в египетском храме и обнаружен на могиле Гермеса Аполлоном Тианским, по другой версии — Александром Македонским. Представляет собой сжатую формулировку основных принципов философии герметизма. По одной из версий, на ней записан рецепт Философского Камня. (прим. перев.)
6. Весьма прямолинейная отсылка на Александра Македонского (прим. перев.)
8. Знаменитая строка из поэмы «Улисс» английского поэта Альфреда Теннисона (1809-1892). Вырезана на надгробном кресте, поставленном в Антарктиде в память об английском путешественнике Роберте Фолконе Скотте. В России фраза стала популярна благодаря роману Вениамина Каверина «Два капитана».
10. Дришти – техника концентрации внимания, используемая в йоге (прим. перев.)

12. Малкадор называет Императора «царь веков», что отсылает нас к 17-му стиху 1-й главы Первого Послания Тимофею апостола Павла: «Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь».
14. Отсылка на 5-й стих 5-й главы Евангелия от Матфея: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».
16. Автор использует выдуманное им самим слово «sarcophilic», произведенное от биологического рода *Sarcophilicus*, к которому принадлежит тасманийский дьявол. Буквальный перевод с греческого означает «любитель плоти», таким образом, это слово можно интерпретировать как синоним плотоядности (прим. перев.)
18. Под Эленикой, очевидно, подразумевается Древняя Греция (прим. перев.)
20. Вероятно, имеется ввиду город Сарды, один из великих городов древнего мира и столица Лидии. В Откровении Иоанна Богослова, Сардийская раннехристианская церковь фигурирует как одна из семи церквей Апокалипсиса. (прим. перев.)
22. Вероятно, подразумевается «мета-истина», концепция, согласно которой истина остается истиной, независимо от формы ее подачи. Так, существует множество вариантов сказки «Мальчик, который кричал «волки»», но нравоучение «если много лгать, то тебе не поверят в случае реальной опасности» присутствует в каждом из них, оставаясь той самой мета-истиной. (прим. перев.)
24. Шигадзе – город в Китае, в районе Тибета.
26. Идиолект – вариант языка, используемый одним человеком, совокупность всех его личных особенностей речи. Одним из ярких примеров идиолекта может служить словечко «че», благодаря которому Эрнесто Гевара получил свое прозвище. В судебной лингвистике используется для определения, действительно ли текст принадлежит человеку, которому его приписывают.
28. лат. «порядок из хаоса»
30. Эсхатология – религиозное учение о конце света и всего сущего за пределами истории и нынешнего мира. Эсхатологический – относящийся к концу света, напр. «апокалипсис».
32. Люкс ин Тенебрис (лат. *Lux in Tenebris*) – «свет во тьме» Хуманус Пантократор (лат. греч. *Humanus Pantokrator*) – «Человек Всесильный». Также, Пантократор – иконографический образ Иисуса Христа как Господа Вседержителя, Всесильного Спасителя.
34. Телеология – учение, объясняющее развитие в мире конечными, целевыми причинами, заложенным в него сверхразумным творцом, Богом, который позаботился о том, чтобы у всякой вещи был свой смысл существования.
36. Назогастральная трубка – это специальная трубка, которая переносит пищу и лекарства в желудок через нос (прим. перев.)
38. Стома кишечная – отверстие кишки, сформированное хирургическим путем после удаления части или всего кишечника, или мочевого пузыря, выведенное на брюшную стенку и предназначенное для отведения содержимого кишечника или мочи (прим. перев.)

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Конец_и_Смерть,_Том_1_/_The_End_and_the_Death,_Volume_I_\(роман\)&oldid=22442](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Конец_и_Смерть,_Том_1_/_The_End_and_the_Death,_Volume_I_(роман)&oldid=22442)

Эта страница в последний раз была отредактирована 21 марта 2023 в 19:44.